КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкою.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1895 года. № 17. 1 Сентября.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Поучительное чтеніе

въ недѣлю 15 по Пятидесятницѣ, 3 сентября, въ день памяти св. священномученика Анѳима, епископа никомидійскаго и иже съ нимъ.

(Дивный пастырь дивной паствы).

Время гоненія на христіанъ въ царствованіе римскаго императора Діоклитіана и зятя его соправителя Галерія, въ началѣ IV вѣка по Рождествѣ Христовомъ было самымъ тяжкимъ временемъ въ жизни христіанъ. Тяжкимъ это время было всюду въ тогдашней римской имперіи, но въ нѣкоторыхъ областяхъ и городахъ—въ особенности. Послѣднее можно сказать и относительно малоазійскаго города Никомидіи, бывшей резиденціи Діоклитіана и Галерія. По подстрекательству жрецовъ, увѣрявшихъ Діоклитіана и Галерія, что боги отнимутъ отъ нихъ свои милости, если они будутъ терпѣть христіанъ въ своей имперіи, былъ изданъ первый указъ,

которымъ повелѣвалось: разрушать христіанскіе храмы, сжигать христіанскія книги и лишать христіанъ всѣхъ гражданскихъ правъ и должностей. По этому указу, въ ночь подъ праздникъ Пасхи сожженъ былъ величественный храмъ никомидійскій, въ которомъ пострадало, какъ увѣряютъ, до 20,000 христіанъ. Къ несчастію, вскорѣ послѣ того случился пожаръ въ никомидійскомъ императорскомъ дворцѣ; произошелъ онъ или отъ молніи, или отъ другой неизвѣстной причины, но его приписали христіанамъ, и потому изданъ былъ, по подстрекательству кесаря Галерія, другой указъ, которымъ предписывалось — употреблять всѣ мѣры, чтобы склонять христіанъ къ отреченію, а непокорныхъ казнить. Указъ этотъ былъ прибитъ къ столбу среди одной изъ многолюдныхъ площадей никомидійскихъ. „Одинъ изъ значительныхъ христіанъ, даже весьма славныхъ, пишетъ церковный историкъ Евсевій, подвигшись ревностью по Богѣ и возбудившись пламенною вѣрою, схватилъ это прибитое на открытомъ и народномъ мѣстѣ писаніе и какъ безбожное и нечестивое, разорвалъ“. Само собою, казнь смѣлаго христіанина была неминуемою: его сей часъ же схватили и сожгли живымъ. Послѣ того, одинъ за другимъ слѣдовали и еще два императорскіе указы, изъ коихъ одинъ другого былъ жесточе. „Что тогда происходило во всей имперіи, когда война противъ христіанъ сдѣлалась открытою!.. съ грустью пишетъ тотъ же церковный историкъ очевидецъ; тогда, невозможно пересказать словомъ, сколько и какихъ мучениковъ Христовыхъ пришлось намъ видѣть во всѣхъ городахъ и странахъ“... А что происходило тогда въ самой Никомидіи, откуда собственно и началась „война противъ христіанъ“, гдѣ собственно и поджигалось пламя, охватившее всю тогдашнюю христіанскую Церковь, это

тѣмъ болѣе не поддается никакому описанію. „Тогда то, пишетъ Евсевій, весьма многіе изъ предстоятелей Церкви, бодро претерпѣвъ страшныя мученія, показали примѣръ великихъ подвиговъ. Каждый подвергался мученіямъ разнаго рода: одного сѣкли бичами, другого терзали пытками и невыносимыми когтями, отъ чего нѣкоторые имѣли самый бѣдственный конецъ жизни. Одного насильно толкали и влекли къ беззаконнымъ и мерзскимъ жертвенникамъ, и онъ былъ отпускаемъ какъ будто принесъ жертву, хотя и не приноситъ ее; того брали полумертвымъ и выбрасывали какъ умершаго; иного лежавшаго на землѣ влекли за ноги по длинному пространству и причисляли къ тѣмъ, которые принесли жертву; одинъ кричалъ и громогласно свидѣтельствовалъ свое отреченіе отъ жертвоприношенія; другой взывалъ, что онъ христіанинъ и хвалился исповѣданіемъ спасительнаго Имени; иной утверждалъ, что не воскурялъ и никогда не будетъ воскурять. И эти были насильно выгоняемы многолюдными отрядами приставленнаго къ тому войска. Чтобъ они молчали, ихъ били по устамъ, лицу и ланитамъ... Но божественнѣе и славнѣе всѣхъ людей, когда либо слывшихъ удивительными и по своему мужеству знаменитыми, у грековъ ли то, или у варваровъ,—настоящее время представило между мучениками царскихъ отроковъ въ Никомидіи. Цари удостоили ихъ самой высокой чести и имѣли къ нимъ расположеніе, какъ къ роднымъ дѣтямъ; однакоже большимъ богатствомъ по справедливости считали они поношеніе и труды за благочестіе и многоразличные придуманные для нихъ роды смерти, нежели славу и удовольствія. Мы упомянемъ о кончинѣ одного изъ нихъ, предоставляя читателямъ судить по ней о томъ, что было съ другими. Выведенъ онъ былъ на средину предъ

лицо правителей. Эти правители приказали ему принести жертву, но онъ воспротивился. Тогда велѣно было раздѣть его, приподнять и, держа на вѣсу, сѣчь по всему тѣлу бичами, пока онъ не будетъ побѣжденъ и не исполнитъ приказанія, хотя бы то противъ воли. Мученикъ, вытерпѣвши это, не поколебался. Между тѣмъ обнажились уже его кости и мучители, смѣшавъ уксусъ съ солью, стали лить этотъ составъ на раскрывшіеся члены его тѣла. Когда же онъ вынесъ и эту боль, то на мѣсто мученія притащили решетку и огонь, и останки его тѣла начали жарить на огнѣ будто мясо, приготовляемое въ пищу, сожигая его не вдругъ, чтобы онъ не тотъ часъ отошелъ, а по немногу. Возлагавшіе его на костеръ при этомъ имѣли дозволеніе не прежде дать ему свободу, какъ тогда, когда бы онъ и послѣ сего подалъ по крайней мѣрѣ знакъ согласія на предписаніе; но мученикъ твердо стоялъ за свое дѣло и побѣдоносно испустилъ духъ среди самихъ мученій. Таково мученичество одного изъ царскихъ отроковъ, по истинѣ достойное имени мученика; ибо онъ назывался Петромъ. Не хуже были и другіе. Мы умолчимъ о нихъ; упомянемъ только, что Дороѳей и Горгоній со многими другими изъ царскихъ придворныхъ, послѣ многоразличныхъ подвиговъ, окончили жизнь свою на висѣлицѣ, и такимъ то образомъ достигли награды за божественную побѣду. Царскихъ отроковъ, послѣ смерти преданныхъ землѣ, мнимые владыки ихъ признали нужнымъ вырыть и бросить въ море, чтобы кто либо не сталъ покланяться имъ и не причислилъ ихъ къ богамъ, если они будутъ лежать во гробѣ; такъ по крайней мѣрѣ думали. Послѣ пожара въ никомидійскомъ дворцѣ, тамошніе христіане, по ложному подозрѣнію на нихъ, по повелѣнію царя, одни во множествѣ умерщвлены были

мечемъ, а другіе погублены огнемъ. Говорятъ, что движимые божественною и неизреченною ревностью, мужья бросались тогда на костеръ вмѣстѣ съ своими женами; множество другихъ палачи привязывали къ ладьямъ и ввергали въ глубины морскія... А когда былъ изданъ послѣдній (4-й) указъ противъ христіанъ, тогда открылось зрѣлище выше всякаго описанія: въ каждомъ мѣстѣ подвергались заключенію цѣлыя тысячи христіанъ. Темницы, первоначально назначенныя для человѣкоубійцъ и злодѣевъ, расхищавшихъ гробницы, вездѣ наполнялись въ то время епископами, пресвитерами, діаконами, чтецами, заклинателями, такъ что осужденнымъ за злодѣянія не оставалось въ нихъ мѣста“ (Церк. Ист. Евсев. т. 1, стр. 435 и д.). Вотъ въ какомъ положеніи находилась паства никомидійскаго первосвятителя Анѳима, по словамъ историка очевидца! Каково же было теперь положеніе самого первосвятителя, и какъ онъ велъ свои пастырскія дѣла въ эти трудныя времена? Конечно, и ему самому теперь грозила опасность на каждомъ шагу, и онъ былъ, можно сказать, постоянно въ челюстяхъ смерти. Онъ не боялся смерти и готовъ былъ во всякое время пострадать за Христа; но паства берегла его, какъ своего мудраго кормчаго, и, насколько можно, скрывала отъ гонителей. Во время самаго разгара гоненія въ Никомидіи, святитель Анѳимъ нѣкоторое время скрывался въ близь лежавшемъ селеніи Семана; отсюда чрезъ діаконовъ онъ дѣлалъ разныя церковныя распоряженія и посылалъ пастырскія наставленія своимъ обуреваемымъ пасомымъ. „Нынѣ время намъ показать себя христіанами, — нынѣ время подвиговъ, писалъ святитель своей паствѣ. Теперь, кто воинъ Христовъ да стоитъ доблестно. Теперь время хоть немного пострадать намъ за Христа, много за насъ пострадав-

шаго; теперь время исповѣдать Его предъ человѣки, чтобъ Онъ прославилъ и насъ на небѣ предъ ангелами и предъ Своимъ Отцемъ небеснымъ. Умремъ теперь временно, чтобъ намъ жить вѣчно. Не убоимся мучителей; если они и убьютъ насъ, то удостоятъ насъ блаженнѣйшей жизни. Усѣченную главу Христосъ увѣнчаетъ вѣнцомъ нетлѣннымъ; раздробленные члены просвѣтятся какъ солнце въ царствіи небесномъ. Будемъ стоять до смерти на удивленіе человѣкамъ и ангеламъ, и пр.". Слова глубокочтимаго святителя разжигали сердца пасомыхъ пламенною ревностію: и знаменитые, и простецы, и мужи и жены, и старцы и юноши, и юныя дѣвы и малолѣтнія дѣти всѣ горѣли единымъ желаніемъ пострадать за Христа и страдали, какъ мы видѣли, съ удивительною твердостію, „Той добрый пастырь едва не все свое стадо въ вѣнцахъ мученическихъ приведе Богу": замѣчаетъ святитель Димитрій ростовскій, описывая пастырскую дѣятельность Анѳима во время гоненія. Исполнивши свой долгъ, торжествуя своего рода побѣду надъ гонителями христіанства, святитель Божій не пожелалъ уже больше таиться отъ мучителей и добровольно отдалъ себя въ руки посланнаго за нимъ отряда воиновъ: встрѣтивши посланныхъ на дорогѣ, онъ ввелъ ихъ въ свое убѣжище, угостилъ и предложилъ вести себя, куда знаютъ. „Мы отпустимъ тебя, человѣкъ Божій, и ты скройся; а мы скажемъ пославшимъ насъ, что вездѣ искали Анѳима въ окрестностяхъ Никомидіи и нигдѣ не нашли его": говорили воины, обласканные святителемъ. „Нѣтъ, дѣти мои, отвѣтилъ имъ святитель, зачѣмъ вы будете говорить изъ за меня неправду; да я и желаю уже пострадать за Христа". Во время пути, святитель своею бесѣдою успѣлъ такъ расположить къ себѣ и къ Христовому уче-

нію провожавшихъ его воиновъ, что многіе изъ нихъ пожелали креститься, и тутъ же крестились въ встрѣтившейся по дорогѣ рѣкѣ. Святителя связаннаго представили на допросъ къ самому императору. Тутъ же были разложены и разныя орудія казни для устрашенія святого. „Не устрашите ничѣмъ того, кто самъ давно пламенно желаетъ умереть за Христа: сказалъ святитель, спокойно смотря на все и на всѣхъ окружавшихъ его. Бренное мое тѣло и временная жизнь—это для меня узы и темница, которые не позволяютъ душѣ моей прійти къ Богу; а ваши угрозы и казни тѣмъ пріятнѣе для меня, что онѣ разрѣшатъ меня отъ тѣлесныхъ узъ“. Святителя Анѳима, послѣ этого, били, сверлили ему ноги желѣзными рожнами, обували въ мѣдные разжженные сапоги и жгли, привязавши къ колесу; все это онъ терпѣлъ съ необычайною твердостію. Наконецъ, по повелѣнію императора, его осудили на смерть. Съ радостію шелъ святитель на мѣсто казни. „Нынѣ время моего веселія, нынѣ исполненіе моего желанія; сейчасъ откроются предо мною двери, которыми взойду я ко Господу“. Пришедши на мѣсто казни, святитель помолился и склонилъ свою главу подъ сѣкиру. 3 сентября 303 года окончилась земная жизнь славнаго никомидійскаго епископа Анѳима, и онъ съ тысячами увѣнчанныхъ мученическими вѣнцами своихъ пасомыхъ явился и самъ въ мученическомъ вѣнцѣ къ Царю славы Христу. Такой пастырь и на страшномъ судѣ Христовомъ можетъ дерзновенно сказать праведному Судіи Господу, указывая на своихъ пасомыхъ: *Се азъ и дѣти, яже далъ ми еси, Боже!*

А что сказать о многихъ изъ нашихъ теперешнихъ паствъ и о многихъ изъ нашихъ теперешнихъ пастырей? Что же скажемъ мы и о насъ самихъ, бр. христі-

ане? Такое ли единодушіе, такое ли единомысліе существуетъ и между нами, какое должно быть между пастыремъ и паствою? Съ такимъ ли вниманіемъ, съ такою ли ревностью заботимся мы о нашихъ духовныхъ благахъ и о жизни вѣчной, какъ слѣдовало бы намъ заботиться, по нашему христіанскому званію и по заповѣди Христа Спасителя нашего?..

О, братья мои! Будемъ и мы, по слову Апостола, *блюсти единеніе духа въ союзѣ мира* (Ефес. 4, 3), подобно тому, какъ и въ доброй семьѣ старшіе и младшіе члены ея живутъ между собою въ добромъ согласіи и въ святой любви. Помня твердо, что, живя на землѣ, живемъ мы для неба, будемъ и мы всѣ вмѣстѣ единодушно и единомысленно стремиться къ небу, нашему родному вѣчному отечеству, какъ стремились туда со всею горячностію сердца и воспоминаемые нынѣ святые никомидійскіе мученики, во главѣ съ своимъ ревностнѣйшимъ пастыремъ — священномученикомъ Анѳимомъ.

ПОУЧЕНІЕ

въ праздникъ Воздвиженія Честнаго и животворящаго Креста Господня.

Сегодня, какъ извѣстно вамъ, бр., у насъ праздникъ — Воздвиженіе Честнаго и животворящаго Креста Господня. Этотъ праздникъ установленъ въ воспоминаніе того воздвиженія креста Господня, которое совершено было при императорѣ Константинѣ Великомъ патріархомъ іерусалимскимъ Макаріемъ. Это такъ было.

Въ 312 г. по Р. Христовомъ, царь греческій Константинъ пошелъ войною противъ врага своего Максен-

тія. Во время похода, въ одинъ день, въ полуденное время, на небѣ открылось необыкновенное явленіе: изъ звѣздъ образовался крестъ, сіявшій свѣтлѣе солнца и вокругъ него надпись: „симъ побѣждай“. Такое необычайное явленіе произвело сильное впечатлѣніе какъ на самаго Константина, такъ и на все его воинство. Константинъ въ то время былъ еще язычникомъ, а у язычниковъ крестъ служилъ знаменіемъ неблагополучія, ибо въ то время на крестахъ распинали величайшихъ преступниковъ. Появленіе креста на небѣ такъ встревожило Константина и его воиновъ изъ язычниковъ, что они хотѣли было остановить походъ и возвратиться назадъ; но воины изъ христіанъ появленіе креста на небѣ считали предзнаменованіемъ побѣды и убѣждали Константина—продолжать походъ, предвѣщая ему побѣду. Константинъ былъ въ недоумѣніи и страхѣ,—и самъ не зналъ на что рѣшиться--продолжать ли походъ, или возвратиться назадъ. Недоумѣніе и страхъ не оставляли его до самой ночи. Въ такомъ состояніи онъ и уснулъ. Ночью во снѣ явился ему Самъ Іисусъ Христосъ и, указавъ на явившееся на небѣ знаменіе креста, повелѣлъ сдѣлать изображеніе креста и носить его предъ войсками, обѣщая ему побѣду не только надъ Максентіемъ, но и надъ всѣми врагами. Константинъ разсказалъ о своемъ видѣніи приближеннымъ и войску. Всѣ обрадовались и ободрились. Константинъ велѣлъ сдѣлать изображеніе креста и носить его предъ войскомъ. Съ вѣрою во всемогущую силу Божію и силу креста, смѣло выступилъ онъ затѣмъ противъ своего врага и дѣйствительно одержалъ надъ нимъ блистательную побѣду.

Послѣ сего, одержавъ еще нѣсколько побѣдъ надъ врагами, императоръ Константинъ сталъ единодержав-

нымъ государемъ почти всей вселенной. Въ скоромъ времени онъ объявилъ Христіанскую Вѣру господствующею въ своемъ государствѣ.

Испытавъ, такимъ образомъ, неоднократно силу креста, императоръ Константинъ пожелалъ отыскать и тотъ крестъ, на которомъ былъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Будучи самъ занятъ государственными дѣлами, онъ поручилъ это святое дѣло матери своей Еленѣ. Елена, отправилась въ Іерусалимъ и приняла всѣ мѣры для отысканія Креста Господня. Отъ одного престарѣлаго еврея, по имени Іуды, она узнала, что Крестъ Господень сокрытъ въ землѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ то время былъ языческій храмъ. Елена велѣла храмъ разрушить и раскопать землю. Когда это было сдѣлано, нашли три креста. Оставалось узнать, который изъ трехъ найденныхъ крестовъ – крестъ Господень. Дощечка, на которой Пилатомъ сдѣлана была надпись: „Іисусъ Назарянинъ царь іудейскій“ и которая была прибита ко кресту Христа Спасителя теперь была найдена отдѣльно отъ крестовъ.—Итакъ, какой же изъ трехъ обрѣтенныхъ крестовъ—крестъ Господень? Кто могъ бы это указать? Оставалось возложить надежду на Господа, чтобы Онъ самъ открылъ крестъ Христовъ. Не безъ особаго внушенія Божія, патріархъ іерусалимскій Макарій предложилъ слѣдующее испытаніе: отыскать неизлѣчимо больнаго и на него возлагать найденные кресты. Отъ котораго изъ сихъ крестовъ получится исцѣлѣніе,—тотъ, несомнѣнно, и есть крестъ Христовъ. Предложеніе патріарха было принято. Больной отысканъ и принесенъ на мѣсто, гдѣ найдены кресты. Начали производить испытаніе. Положенъ былъ на больного одинъ крестъ, и онъ не произвелъ никакого дѣйствія,—положенъ былъ другой крестъ—и этотъ не

произвелъ никакого дѣйствія; когда же былъ положенъ на больнаго третій крестъ,—больной мгновенно выздоровѣлъ. Но для нѣкоторыхъ и этого чуда было недостаточно для опредѣленія подлинности креста Господня. И вотъ, Господу Богу угодно было совершить и еще новое чудо. Мимо того мѣста, гдѣ найдены были кресты, несли мертвеца на погребеніе. По особенному внушенію Божію, патріархъ Макарій рѣшился и еще испытать силу крестовъ. Тѣмъ, которые несли мертвеца, велѣно было остановиться; и стали по очереди полагать найденные кресты на мертвеца. Когда положены были одинъ и другой кресты,—они не произвели никакого дѣйствія; когда же положенъ былъ третій крестъ, отъ котораго былъ исцѣленъ больной,—мертвецъ мгновенно воскресъ. Послѣ сего чуда не оставалось уже никакого сомнѣнія, относительно того, который изъ найденныхъ крестовъ, есть именно крестъ Господень. Совершенныя чудеса поразили всѣхъ; вѣсть о нихъ быстро распространилась по городу и окрестностямъ. Народа собралось—тысячи. Каждый желалъ облобызать, или по крайней мѣрѣ увидѣть животворящій крестъ Христовъ; но такъ какъ народа было слишкомъ много и всѣ не имѣли возможности не только облобызать, но даже увидѣть этотъ крестъ, то патріархъ Макарій взошелъ на возвышеніе и сталъ поднимать вверхъ (воздвигать) крестъ. Когда руки его утомлялись, онъ опускалъ крестъ внизъ. Затѣмъ, онъ опять то поднималъ, то опускалъ древо креста. Съ благоговѣніемъ взирая на святыню, вѣрующіе взывали: Господи помилуй! Съ этого времени и до нынѣ во всемъ христіанскомъ мірѣ совершается благоговѣйное поклоненіе кресту.

И мы, православные, свято вѣруемъ въ силу честнаго и животворящаго креста Господня,—почитаемъ его и поклоняемся ему. Но, къ сожалѣнію, есть лю-

ди, въ числѣ ихъ и такъ называемые штундисты, (а последніе есть и въ нашемъ селѣ), которые не только не почитаютъ креста, но обзываютъ его эшафотомъ, шибеницею, плахою, и другими не подобными словами. Боже! до чего иногда можетъ дойти человѣкъ, если только собьется съ праваго пути и не станетъ слушаться законныхъ своихъ пастырей—учителей и руководителей въ дѣлѣ спасенья! Штундисты, должно быть, думаютъ, что православные не знаютъ, что крестъ когда то служилъ оружіемъ казни преступниковъ. Нѣтъ, православные хорошо знаютъ что на крестѣ когда то распинали самыхъ величайшихъ преступниковъ,—они знаютъ, что не было мучительнѣе и позорнѣе казни, какъ распятіе на крестѣ. Все это, говорю, православные знаютъ, но они знаютъ и то, что таково было значеніе креста только до того времени, пока на немъ не былъ распятъ Іисусъ Христосъ; а съ того времени значеніе креста совсѣмъ измѣнилось у христіанъ.

Съ той поры, какъ Іисусъ Христосъ на крестѣ крестною смертію искупилъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти, крестъ сталъ святынею для насъ. Теперь крестъ святъ для насъ, ибо посредствомъ креста Господь нашъ Іисусъ Христосъ примирилъ насъ съ Богомъ. Крестъ Христовъ святъ потому, что чрезъ него пораженъ діаволъ—врагъ рода человѣческаго. Крестъ Христовъ святъ, ибо освященъ пролитою на немъ Кровію Іисуса Христа. Святынею для насъ является крестъ Христовъ потому, что онъ былъ всеміртнымъ жертвенникомъ, на которомъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ принесъ Себя въ жертву за грѣхи всего міра. И если въ ветхозавѣтныя времена считались святынею жертвенники, на которыхъ приносились жертвы Богу и которые потому только имѣли значеніе, что служили прообразомъ новозавѣтнаго жертвенника, то тѣмъ болѣе долженъ быть святъ для насъ

крестъ Господень—этотъ всемірный жертвенникъ, на которомъ Іисусъ Христосъ принесъ Себя въ жертву за грѣхи всего міра.—Крестъ Христовъ и потому святъ для насъ, что чрезъ него прославлено Имя Господа нашего Іисуса Христа. А что крестная смерть Іисуса Христа послужила къ Его прославленію, это св. апостолъ Павелъ раскрываетъ въ посланіи къ Филипійцамъ въ слѣдующихъ словахъ: *Онъ* (Іисусъ Христосъ), *будучи образомъ Божіимъ.., уничижилъ Себя, принявъ зракъ раба.., смирилъ Себе, бывъ послушливъ даже до смерти, смерти же крестной. Посему и Богъ превознесъ Его и даровалъ Имя Ему выше всякаго имени, дабы предъ Именемъ Іисуса преклонилось всяко колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ и всякій языкъ исповѣдалъ, что Господь Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца* (Филип. 2, 6. 11). Крестъ Христовъ святъ, ибо чрезъ него ниспосланы вѣрующимъ дары Духа святаго.

Поэтому то и святые апостолы ничего не считали для себя дороже креста и ничѣмъ не желали хвалиться, какъ только крестомъ Господнимъ. Такъ, св. апостолъ Павелъ въ посланіи къ Галатамъ пишетъ: *я не желаю ничѣмъ хвалиться, какъ только крестомъ Господа нашего Іисуса Христа, которымъ для меня міръ распятъ и я для міра.* (Гал. 6, 14) Тотъ же Апостолъ въ посланіи къ Коринѳянамъ пишетъ, что только *для погибающихъ крестъ и слово о крестѣ юродство есть, а для спасаемыхъ сила Божія есть* (1 Кор. 1, 17).

Конечно, достоинъ почитанія и поклоненія не только тотъ крестъ, на которомъ распятъ былъ Іисусъ Христосъ, но и всякій другой крестъ,—будетъ ли онъ сдѣланъ изъ дерева, или металла, или изъ другаго какого либо вещества, или изображенъ рукою въ видѣ крестнаго знаменія. Если бы почитаніе креста не было угодно Богу, то Господь силою креста не творилъ бы чудесъ. А мы

знаемъ, что чудеса были совершаемы не только посредствомъ того креста, на которомъ распятъ былъ Іисусъ Христосъ, но и посредствомъ другихъ крестовъ,—были ли они сдѣланы изъ дерева, или металла, или другого вещества, или изображаемы были рукою въ видѣ крестнаго знаменія; и чудесъ такихъ проявлено такъ много, что ихъ и исчислить невозможно. Силою креста воскрешаемы были мертвые и исцѣляемы недужные; вѣрующіе силою креста оставались иногда невредимыми и въ огнѣ и въ кипящей смолѣ, и среди дикихъ кровожадныхъ звѣрей,—пили смертоносные яды и оставались живы.

Крестъ есть вѣрное орудіе противъ діавола. Объ этомъ святая Церковь воспѣваетъ такъ: *Господи! оружіе на діавола крестъ Твой далъ еси намъ, трепещетъ бо и трясется, не терпя взирати на силу его.* Діаволъ — врагъ нашего спасенія — ничего не боится такъ, какъ креста. И вотъ, чтобы люди не пользовались этимъ оружіемъ, діаволъ и внушилъ нѣкоторымъ людямъ мысль, что креста не нужно почитать,—что крестъ—эшафотъ, плаха, висѣлица и проч.,—и нѣкоторые, въ томъ числѣ и штундисты, на радость діаволу и на погубу себѣ, боятся употреблять это спасительное орудіе противъ діавола.

Штундисты, обзывая крестъ эшафотомъ, плахою и висѣлицею, также говорятъ, что крестъ, будтобы, выдуманъ врагами Іисуса Христа,—что, крестъ, будтобы опозорилъ Іисуса Христа; но и думать много не приходится, чтобы видѣть нелѣпость такихъ рѣчей ихъ. Что такое эшафотъ? Что такое висѣлица, плаха? Все это орудія казни злодѣевъ, разбойниковъ и другихъ преступниковъ; а можно ли что нибудь подобное помыслить о Крестѣ Христовомъ?

Далѣе, штундисты говорятъ, что крестъ, будтобы, выдуманъ врагами Іисуса Христа. Нѣтъ, не враги вов-

несли Іисуса Христа на крестъ,—они только послужили тому, чтобы выполнить предопредѣленіе Божіе о крестной смерти Іисуса Христа. О нихъ Самъ Іисусъ Христосъ сказалъ: *не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. 23, 34). Нѣтъ, крестъ придуманъ не врагами Іисуса Христа, а *премудростію Божіею втайнѣ сокровенною* (1 Кор. 2, 2). И дѣйствительно, только премудрость Божія могла придумать такое средство для спасенія людей, при которомъ, по выраженію Пророка, *милость и истина срѣтились; правда и миръ облобызались* (Псал. 84, 11), т. е. при которомъ проявилось въ одно и тоже время правосудіе Божіе и безпредѣльное Божіе милосердіе къ падшимъ людямъ. Безъ крестной смерти Христа Спасителя планъ нашего спасенія не могъ бы совершиться такъ полно, широко, законченно.

Штундисты говорятъ еще, что крестъ опозорилъ Іисуса Христа. Нелѣпость этихъ словъ, думаю, всякъ видитъ. Посудите сами: развѣ можно (страшно сказать) опозорить Бога? Бога можно только оскорбить, какъ и оскорбляютъ Его штундисты и имъ подобные.

Итакъ, бр. мои, не слушайте штундистовъ, этихъ самозванныхъ учителей, которые изрыгаютъ нечестивые глаголы, относительно святаго креста. Почитайте святый крестъ и покланяйтесь ему,—но покланяйтеся не дереву, или другому какому либо веществу, изъ котораго онъ сдѣланъ, а Тому, Кто былъ распятъ на немъ, Господу нашему Іисусу Христу, пострадавшему и умершему на крестѣ ради нашего спасенія. Кто почитаетъ крестъ Христовъ, тотъ почитаетъ и Распятаго на немъ; а кто не почитаетъ креста,—тотъ оказывается врагомъ креста; а о врагахъ креста ап. Павелъ сказалъ, что *конецъ ихъ —погибель* (Филип. 3; 18). Аминь.

Священникъ *Стефанъ Ковальскій.*

Общество и духовенство.

По поводу статьи С. А. Рачинскаго „Церковная школа". *Русское Обозр.*, іюнь.

I.

Нападать на наше духовенство, бранить его—самое обыкновенное и излюбленное занятіе нашего общества... Тутъ, на этой почвѣ, кажется, сходятся почти всѣ наши «лагери» и «направленія». Въ печати, конечно, бранятъ умѣренно и съ оглядкой, единственно, впрочемъ, по цензурнымъ причинамъ; но когда является возможность облить грязью духовенство, тутъ происходитъ общее торжество. Когда, года три назадъ, появился изложенный въ беллетристической формѣ пасквиль покойнаго Лѣскова на отца Іоанна Кронштадтскаго, общему восторгу не было мѣры. Плохой разсказецъ, недостойный автора «Соборянъ», превозносили только потому, что въ немъ былъ заключенъ пасквиль на священника, къ которому съ такимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ относится народъ русскій. Противъ пасквиля, въ печати, сколько помню, высказались только—пишущій эти строки, да архимандритъ Антоній въ «Богословскомъ Вѣстникѣ».

Кстати сказать, этотъ маленькій эпизодъ, по моему, весьма многознаменателенъ. То, что сказывается не съ такою ясностью въ отношеніяхъ нашей печати къ другимъ вопросамъ, здѣсь выразилось съ большою ясностію. Выразилось съ большою ясностію, что наша печать вовсе не отражаетъ чувствъ и мнѣній всенародныхъ,—выразилось съ большою ясностью, что между «интеллигенціей», отраженіемъ мнѣній и чувствъ которой служитъ наша печать, и народомъ лежитъ цѣлая бездна.

«Интеллигенція» полагаетъ, что этотъ разладъ ея съ народомъ объясняется необразованностью народа, съ одной стороны, и образованностью ея, «интеллигенціи», съ другой; мнѣніе, конечно, очень успокоительное для нашихъ интеллигентовъ, но врядъ ли основательное. Дѣло тутъ совсѣмъ не въ томъ.

Вотъ С. А. Рачинскій очень хорошо говоритъ объ этой образованности нашей «интеллигенціи.»

Коснувшись безпомощнаго положенія нашего сельскаго духовенства, не имѣющаго ни откуда нравственной поддержки, онъ пишетъ, между прочимъ:

«О тѣхъ затрудненіяхъ, матеріальныхъ и нравственныхъ, съ коими приходится бороться сельскому священнику, уже писано такъ много, что не считаю нужнымъ ихъ перечислять. Напомню читателю лишь одно изъ нихъ, свойственное новѣйшему времени. Это—почти повсемѣстное въ сельской средѣ исчезновеніе и абсентензмъ образованнаго дворянства, которое одно могло бы оказать духовенству матеріальную и нравственную поддержку; а рядомъ съ этимъ явленіемъ—размноженіе такъ называемой сельской интеллигенціи, отъ Церкви оторванной, часто духовенству враждебной, *неисцѣлимо невѣжественной, потому что она считаетъ свое невѣжество развитіемъ*».

С. А. Рачинскій говоритъ о сельской «интеллигенціи», оторвавшейся отъ Церкви, но вѣдь его слова примѣнимы и къ «интеллигенціи» вообще: она также «неисцѣлимо невѣжественна», и именно потому, что свое невѣжество считаетъ развитіемъ.

Такимъ образомъ, нашу «интеллигенцію» отдѣляетъ отъ народа не ея «образованность», а именно ея «неисцѣлимое невѣжество». Если бы дѣло заключалось въ «образованности», то почему же, въ самомъ дѣлѣ, такіе люди, уже дѣйствительно культурные, въ истинномъ значеніи этого слова, широко и разносторонне образованные, какъ Кирѣевскіе, Хомяковъ, Юрій Самаринъ, Аксаковы, какъ самъ С. А. Рачинскій,—почему такіе люди отражали въ себѣ мысли и чувства всенародныя,—почему ихъ образованіе, ихъ высокая культурность не мѣшали имъ мыслить за одно со всѣмъ народомъ, чувствовать вмѣстѣ съ нимъ?

Укажутъ, быть можетъ, на отщепенцевъ отъ народа своего тоже высококультурныхъ, широко образованныхъ,—напримѣръ, на Герцена. Но тутъ дѣло совсѣмъ иное; да Герценъ вовсе и не принадлежитъ къ такъ называемой и такъ себя называющей «интеллигенціи». Здѣсь не мѣсто говорить о причинахъ отщепенства Герцена, но вѣдь Герценъ былъ всю жизнь мученикомъ своего отщепенства, и въ концѣ концовъ, разочаровавшись въ европейскомъ просвѣщеніи, едва не пришелъ къ признанію *своихъ* народ-

ныхъ началъ, а, во всякомъ случаѣ, уже очень близко подошелъ къ такому направленію мыслей. Между тѣмъ, какъ особенно характерною чертой нашей современной «интеллигенціи» является совершенное и полное самодовольство, которое есть результатъ «неисцѣлимаго невѣжества», именно и считаемаго «развитіемъ».

И замѣчательная вещь: наши современные «интеллигентные» журналисты считаютъ себя преемниками Чернышевскаго и Добролюбова, постоянно ссылаются на нихъ, но почти что никогда не ссылаются на Герцена. Оно и понятно, потому что въ Герценѣ уже никогда нельзя найти поддержку «интеллигентныхъ» мнѣній,— мало того, никто такъ жестоко не осмѣивалъ то, что теперь принято называть «интеллигенціей», какъ именно Герценъ...

II.

Откуда же, однако, это недоброжелательство, замѣчаемое въ нашемъ обществѣ по отношенію къ духовенству?

С. А. Рачинскій, коснувшись этого вопроса, объясняетъ дѣло такъ:

«Причины этого явленія многообразны.

«Первая и самая общая изъ нихъ—тотъ вѣтеръ невѣрія, который давно вѣетъ въ Европѣ, вѣетъ и въ Россіи,—быть можетъ, острѣе, чѣмъ гдѣ либо, благодаря нѣкоторому стѣсненію, сосредоточивающему его порывы. Ясно, что складъ мысли, сложившійся подъ этимъ вѣяніемъ, не можетъ допустить желательности— не только первенствующей роли, но и какого либо дѣйственнаго вліянія духовенства въ дѣлахъ народнаго образованія. Если ученіе Христіанское—ложно, то отъ сего ученія, разумѣется, подростающія поколѣнія слѣдуетъ ограждать, и идеаломъ школы является школа лаическая, безбожная, тотъ антиподъ школы церковной, который столь послѣдовательно осуществляется въ современной Франціи. Это умозаключеніе рѣдко высказывается съ полною сознательностію и откровенностію. Но оно лежитъ на днѣ того отвращенія, которое питаетъ къ школѣ церковной большинство ея противниковъ».

Безъ сомнѣнія, существуютъ и эти причины, очень глубокія, явившіяся послѣдствіемъ двухвѣковыхъ, самыхъ разнообразныхъ

вліяній на наше общество. Но есть и иныя, болѣе поверхностныя причины, тѣмъ не менѣе, однако, сильно дѣйствующія. Эти поверхностныя причины заключаются въ склонности нашего мало культурнаго общества къ легкой насмѣшкѣ и къ легкому кощунству надъ предметами священными, или достойными уваженія. Вѣдь, въ нашемъ обществѣ отношеніе къ духовенству и къ монашеству совершенно такое же, какъ у Өедора Павловича Карамазова. Все отрицаніе ограничивается скабрезными анекдотами, да утвержденіями, что монахи—тунеядцы. Въ разсужденіяхъ Өедора Павловича Достоевскій скрылъ язвительнѣйшую насмѣшку надъ нашимъ обществомъ за его отношеніе къ религіи, къ духовенству, къ монашеству. Всѣмъ, конечно, памятна сцена, когда Өедоръ Павловичъ врывается на парадный обѣдъ къ игумену; всѣмъ, конечно, памятно злое шутовство его рѣчей. Вотъ одинъ отрывокъ.

«Не люблю, отцы, фальши, а хочу истины«, говоритъ Өедоръ Павловичъ, только что назвавшій себя «рыцаремъ чести». — «Но не въ пискарикахъ истина, и я это провозгласилъ! Отцы монахи, зачѣмъ поститесь? Зачѣмъ вы ждете себѣ за это награды на небеси? Такъ вѣдь изъ-за этакой награды и я пойду поститься! Нѣтъ, монахъ святой, ты будь-ка добродѣтеленъ въ жизни, принеси пользу обществу, не заключаясь въ монастырѣ на готовые хлѣба и не ожидай награды тамъ, на верху,—такъ это-то потруднѣе будетъ. Я тоже, вѣдь, отецъ игуменъ, умѣю складно сказать... Что у нихъ тутъ наготовлено; подошелъ онъ къ столу.— Портвейнъ старый Фактори, Медокъ розлива братьевъ Елисѣевыхъ,—ай да отцы! Не похоже вѣдь на пискариковъ. Ишь бутылокъ то отцы наставили. А кто это все доставлялъ сюда? Это мужикъ русскій, труженикъ, — своими мозольными руками заработанный грошъ сюда несетъ, отрывая его отъ семейства и отъ нуждъ государственныхъ. Вѣдь вы, отцы святые, народъ сосете»...

Въ этихъ шутовскихъ разсужденіяхъ Өедора Павловича съ совершенною точностію переданы и фальшивый тонъ и содержаніе обыкновенныхъ «интеллигентныхъ» разсужденій о религіи, монашествѣ и т. п. Прочитывая монологи Өедора Павловича, кажется, будто слышишь перефразу какой нибудь статьи изъ журнала или газеты, выражающихъ «интеллигентныя» мнѣнія и чувства.

Очень уже похоже. И, переходя къ вопросу о церковной школѣ, представьте себѣ что наговорилъ бы Θедоръ Павловичъ по этому поводу, еслибъ его взялъ задоръ, и онъ былъ въ ударѣ,—представьте себѣ это, и вы будете имѣть точное понятіе о томъ, что говорится въ «интеллигентномъ» обществѣ и что пишется въ газетахъ и журналахъ по этому вопросу...

III.

Таково печальное положеніе дѣлъ. Наше поверхностное въ своихъ сужденіяхъ общество, возставая противъ церковной школы, въ концѣ концовъ само не знаетъ, чему же оно хочетъ учить народъ, потому что само не имѣетъ никакого твердаго, установившагося міровоззрѣнія. Между тѣмъ, и что всего любопытнѣе, народъ твердо знаетъ, чему онъ хочетъ чтобъ учили его дѣтей, и совершенно ясно выражаетъ свое желаніе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ такіе опытные и въ высшей степени добросовѣстные наблюдатели народной жизни и народнаго отношенія къ школѣ, какъ С. А. Рачинскій. Въ «интеллигентномъ» обществѣ *также знаютъ*, чего желаетъ народъ по отношенію къ школѣ, но не хотятъ считаться съ этими народными желаніями. Это потому, что «интеллигентное» общество *не уважаетъ* народа, смотритъ на него, какъ на какой то этнографическій матеріалъ, подлежащій «интеллигентной обработкѣ». Задачу школы видятъ не въ томъ, чтобы посредствомъ ея дать народу возможность осмыслить и свою религіозность, и свое міровоззрѣніе, а въ томъ, чтобы людей изъ народа обратить въ такихъ же самодовольныхъ, и въ то же время вѣчно шатающихся «интеллигентовъ», каковы они сами.

Спросите у нашихъ «интеллигентовъ»—чему, по ихъ мнѣнію, надо учить народъ,—и каждый вамъ отвѣтитъ по-своему: либералъ скажетъ одно, толстовецъ другое, пашковецъ третье и т. д. И лишь въ одномъ сойдутся наши «интеллигенты»—въ томъ, что духовенство не должно учить народъ.

Вотъ почему между противниками церковной школы мы найдемъ не однихъ только либераловъ.

«Въ настоящее время, пишетъ С. А. Рачинскій, въ образованныхъ классахъ Россіи, какъ и всей Европы, размножается

число людей, считающихъ себя христіанами, но разорвавшими всякую внутреннюю связь съ Церковью. Пашковцы, толстовцы — лишь самые яркіе представители этого типа. Множество людей, внѣшнимъ образомъ къ Церкви принадлежащихъ, про себя исповѣдуютъ вѣру, съ ученіемъ Церкви мало имѣющую общаго, хотя и сложившуюся на почвѣ христіанства. Конечно, и они не могутъ сочувствовать тому типу школъ, который основанъ на непреложности ученія церковнаго, и они считаютъ служителей Церкви учителями нежелательными. Но такъ какъ каждый изъ нихъ желалъ бы видѣть въ школѣ орудіе распространенія *своей* вѣры, а этихъ вѣръ столько же, сколько досужихъ богословствователей, то практически осуществимаго типа школы они предложить не могутъ».

Такимъ образомъ, вопросъ о значеніи и предназначеніи народной школы запутывается со всѣхъ сторонъ и все болѣе и болѣе. Не принимаются во вниманіе и самыя ясныя указанія опыта, какъ, напримѣръ, вся въ высшей степени благотворная и благородная дѣятельность С. А. Рачинскаго. Не принимаются во вниманіе и самыя добросовѣстныя свидѣтельства, какъ свидѣтельство такого знатока дѣла, какъ тотъ же С. А. Рачинскій.

На мой взглядъ, все это происходитъ отъ одной причины, — отъ того *равнодушія къ истинѣ*, которымъ страдаетъ наше «интеллигентное» общество, для котораго и самые важнѣйшіе вопросы являются только забавой, спортомъ, или потѣхой самолюбія. Если бы не это равнодушіе, если бы не эта пагубная привычка къ затвержнымъ словамъ, которыми замѣняется разсужденіе, то вопросъ о школѣ въ сознаніи общества былъ бы рѣшенъ давно, потому что дѣло это слишкомъ ясное. Трудно спорить противъ того, что въ основу народной школы, отъ воздѣйствія которой зависитъ все дальнѣйшее духовное развитіе народа, должна быть положена *вѣчная истина*, которая заключена только въ религіи. Кто же не вѣритъ въ *вѣчкую* истину, тому нечего и заикаться о томъ, какъ и чему учить народъ, потому что если все относительно и преходяще, то и учить придется сегодня одному, а завтра другому, то-есть, уже не учить, а нравственно калѣчить крестьянскихъ дѣтей, такъ какъ теперь калѣчатъ нашихъ.

Ставши на эту точку зрѣнія, С. А. Рачинскій пишетъ: «Нельзя не настаивать на томъ, что выборъ такихъ учителей (то-есть для сельскихъ школъ), что ихъ подготовка *никому* поручены быть не могутъ, кромѣ достойнаго приходскаго священника. Учитель, не ведущій своего дѣла въ духѣ церковномъ, въ деревнѣ терпимъ не будетъ (то-есть не будетъ терпимъ *самимъ народомъ*); бдительный надзоръ за преподаваніемъ въ деревенской школкѣ, подкрѣпляющій и дополняющій слишкомъ слабую подготовку учителя, ни для кого, кромѣ священника, *невозможенъ*".

Такъ думаетъ знатокъ дѣла, котораго даже и противники его, конечно, не посмѣютъ заподозрить ни въ пристрастіи, ни въ преднамѣренной тенденціозности. *Николаевъ* («Моск. Вѣд.»).

Нѣкоторыя соображенія о штундизмѣ.

Штундизмъ имѣетъ уже свою исторію; онъ пускаетъ корни повсюду, гдѣ не встрѣчаетъ достаточнаго противодѣйствія. Если не будетъ задержанъ болѣе рѣшительными мѣрами, то онъ будетъ развиваться. Штундисты м. Шендеровки, каневскаго уѣзда, какъ заявили мнѣ мои прихожане, выходятъ на дороги, когда богомольцы идутъ на поклоненіе въ Кіевъ, и смущаютъ совѣсть православныхъ, говоря: достаточно имѣть одно евангеліе, чтобы спастись. Они опустошаютъ Церковь Божію, какъ малыя лисицы виноградникъ (Пѣсн. 2. 15). Штунда, распространившаяся въ 28 губерніяхъ, составляетъ грозное явленіе и не можетъ не возбуждать тревожнаго вопроса у каждаго служителя Церкви. Что же дѣлать? Предупреждать каждое зло, какъ извѣстно, гораздо легче, чѣмъ искоренять, когда оно успѣло достаточно окрѣпнуть. Съ этой стороны мы и предлагаемъ свои посильныя соображенія.

Государственные законы по отношенію къ совратившимся очень строги: даже знавшій о совращеніи, но несообщившій объ этомъ куда слѣдуетъ, подлежитъ наказанію; но исполнители ихъ, по своимъ личнымъ соображеніямъ, не приводили ихъ въ исполненіе. Покойный новороссійскій генералъ-губернаторъ П. Е. Коцебу, какъ удостовѣрено документальными данными, если самъ и

не принадлежалъ къ сектѣ штундистовъ, то оказывалъ ей свое высокое покровительство. Одесскій исправникъ 16 февраля 1873 г., за № 60, писалъ херсонскому губернатору, что его высокопревосходительство Павелъ Евстафіевичъ Коцебу принадлежитъ къ сектѣ штундистовъ. Объ этомъ сообщаетъ г. Дородницынъ въ своей интересной статьѣ: «нѣмецкіе миссіонеры необаптизма, извѣстнаго подъ именемъ штунды на югѣ Россіи» (Чт. въ обществѣ люб. дух. просв., 1893 г. №№ 3, 6), выдержки изъ которой помѣщены въ «Страннинѣ» въ отдѣлѣ «обзоръ журналовъ» за февраль 1894 г. «П. Е. Коцебу могъ задавить двумя пальцами младенца-штунду, но онъ этого не сдѣлалъ,—онъ взлелѣялъ его, и на памяти его, славной во многихъ другихъ отношеніяхъ, это обстоятельство останется неизгладимымъ пятномъ». На почвѣ незаконнаго покровительства штундизму, у штундистовъ херсонской губерніи явилось убѣжденіе, что ихъ вѣрѣ сочувствуютъ министры и самъ царь,—только пока еще не желаютъ этого прямо обнаружить. Что тутъ удивительнаго...

При появленіи штундизма въ приходѣ, у крестьянъ естественно являются вопросы: отъ чего вообще возможенъ штундизмъ въ Россіи, гдѣ его корень и почему онъ развѣтвляется? Дайте отвѣты своимъ прихожанамъ на эти хотя и не высказанные, но чувствуемые вопросы,—покажите, что корень зла лежитъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ херсонской губерніи, допустившихъ у себя извращеніе своего же лютеранскаго исповѣданія, противъ чего, по словамъ одного кіевскаго общественнаго изслѣдователя штунды, первая протестовала въ Россіи евангелическая консисторія. И пойметъ народъ, что озареніе отъ св. Духа, которымъ, будто бы, руководствуются штундисты, есть только беззаконное нѣмецкое внушеніе—при чтеніи св. Писанія руководствоваться собственнымъ разумомъ, омраченнымъ страстями. Да не смущается сердце крестьянъ; пусть они вѣруютъ, что русскій Царь есть первый защитникъ православія, что законы имъ данные охраняютъ православіе.

Въ штундизмъ обращается крестьянинъ не посредствомъ изученія св. Писанія по чьему-нибудь руководству, а подчиняясь психической силѣ внушенія штундиста; потомъ уже онъ изучаетъ напередъ намѣченные тексты, изученіе которыхъ, по трудности

дѣла, до того омрачаетъ его смыслъ, что съ нимъ нѣтъ никакой возможности говорить на почвѣ текстовъ. Отсюда, на первыхъ порахъ, при вразумленіи неофита штунды, безъ Евангелія въ рукахъ, противопоставляйте свое пастырское внушеніе внушенію, произведенному на него врагомъ православія; прочитывая же съ нимъ Библію, Евангеліе, вы, не замѣтно для себя, укрѣпляете его въ ложномъ убѣжденіи, что не Церковь, а Библія есть истолковательница христіанской истины. *Церковь Бога жива—столпъ и утвержденіе истины* (1 Тимоѳ. 3, 15). Съ разъясненія этого пункта христіанскаго вѣроученія и должно начать рѣчь свою въ штундисту. Прекрасная статья на эту тему Г. Аквилонова помѣщена въ «Странникѣ»: «Научно-богословское самооправданіе христіанства» (1894 г.), хотя по мѣстамъ она написана и крайне отвлеченно. Приведемъ изъ нея относящіяся къ дѣлу выдержки. «Многіе полагаютъ, что истина представляетъ собою нѣчто самостоятельное, или какъ бы нѣкоторое существо, имѣющее бытіе внѣ человѣческаго сознанія, выше его и, вообще, области личныхъ духовъ. Мы, православные, наоборотъ, полагаемъ, что истина не можетъ существовать вышеозначеннымъ образомъ. Кто ее ищетъ тамъ, гдѣ ея нѣтъ, тотъ никогда не найдетъ ея. Истина, какъ дѣйствительная истина, существуетъ только въ живыхъ конкретныхъ личностяхъ, точнѣе: въ обществѣ такихъ личностей, или въ единой Церкви. Не трудно отсюда видѣть, что правильное разумѣніе истины необходимо связано съ правильнымъ разумѣніемъ образа ея существованія въ Церкви. Понятія не имѣютъ реальнаго бытія сами по себѣ, но существуютъ только въ мыслящихъ существахъ. Подобно понятіямъ, также и письменныя произведенія, напр. книги, не сами въ себѣ заключаютъ извѣстныя истины, а представляютъ собою только одни знаки, посредствомъ которыхъ пишущій сообщаетъ свои мысли другимъ. Какъ понятія существуютъ только въ понимающемъ, мышленіе въ мыслящемъ, такъ и письменность—только въ пишущемъ субъектѣ, а потому и письменныя произведенія, какъ результатъ писанія, не могутъ быть разсматриваемы въ качествѣ самостоятельно существующей истины, а необходимо должны быть приведены къ тому мыслящему лицу, которое произвело ихъ на свѣтъ. Не посланіямъ ап. Павла,

какъ именно таковымъ, или выражаясь его словами, «убивающему письмени», въ отрѣшеніи отъ лица Апостола, принадлежитъ неизмѣримо высокое значеніе въ Церкви, но только самому Павлу и, притомъ, какъ именно «апостолу Іисуса Христа» (1 Кор. 1, 1); что же касается его посланій, то они могутъ имѣть такое значеніе только не въ собственномъ смыслѣ; ибо, по своей природѣ, они суть только способы и знаки, посредствомъ которыхъ Апостолъ сообщаетъ намъ Божіе Откровеніе. Кто, въ противорѣчіи съ Церковью, придаетъ особый авторитетъ св. Писаніямъ, самимъ по себѣ, какъ извѣстному внѣшнему вещественному предмету, тотъ допускаетъ своего рода идолопоклонство; потому что, подобно язычникамъ, почитавшимъ твореніе Божіе за Самаго Бога, произведенія св. мужей поставляетъ на мѣсто послѣднихъ. Какъ истину вообще, такъ и откровеніе въ особенности, необходимо отыскивать не въ мертвыхъ книгахъ, а у живыхъ лицъ,—при чемъ не каждое ихъ общество является носителемъ божественнаго откровенія, но лишь такое, которое находится въ непосредственной связи съ первоначальными органами Откровенія. Если откровеніе даровано личностямъ и если оно находится въ личностяхъ, то и для своего продолженія оно пользуется посредствомъ тѣхъ же личностей. Послѣднее обстоятельство служитъ однимъ изъ важныхъ признаковъ истинности откровенія; а такъ какъ откровеніе ниспосылается черезъ особыхъ посредниковъ, то отсюда получаетъ чрезвычайно важное значеніе епископское преемство въ Христовой Церкви, какъ одинъ изъ залоговъ цѣлости и неповрежденности самаго откровенія. Отсюда слѣдуетъ, что откровеніе надо отыскивать тамъ именно, гдѣ оно и должно быть и гдѣ оно находится. На опытѣ часто происходитъ совершенно иное: отыскиваютъ откровеніе совершенно не въ соотвѣтствующей ему дѣйствительности. Такъ, напр., нѣкоторые ищутъ откровенія въ Библіи, а не въ Церкви, и потому не разумѣютъ ни Библіи, ни Церкви, ибо Библія дана Церкви и, слѣдовательно, правильно понимается только самою же Церковію и живыми членами ея».—Уяснивши, поэтому, штундисту, что священникъ есть законный стражъ Церкви, хранитель чистоты божественнаго ученія, спросите его: кто онъ? по какому праву учитъ народъ, ничего не понимая и другихъ развращая? У насъ на прак-

тикѣ смѣшали два способа вразумленія штундистовъ: огласительный и научный—посредствомъ толкованія текстовъ св. Писанія,—точно мы имѣемъ дѣло съ тюбингенской нѣмецкой школой. Въ одномъ приходѣ штундистъ, ссылаясь на Евангеліе, былъ остановленъ мною вопросомъ, а что же значитъ слово евангеліе?—«Евангеліе—Иванъ да Илія». Взрывъ смѣха крестьянъ далъ ему понять, что онъ сказалъ большую глупость. Чтобы говорить съ штундистомъ на почвѣ текстовъ, нужно предварительно пройти съ нимъ экзегетику, что не входитъ въ задачу пастырскаго вразумлѣнія. Внушеніе имѣетъ то преимущество предъ толковательнымъ методомъ на основаніи текстовъ, что самой постановкой дѣла даетъ понять штундисту, что онъ не есть равноправная сторона, имѣющая право подавать голосъ, а виновникъ предъ Церковью, обязанный вразумиться. И воръ, и убійца имѣютъ свои основанія, почему они совершаютъ преступленія, но правосудіе первѣе всего говоритъ имъ, что они нарушили законъ, виновники предъ обществомъ, Въ положеніи вора или преступника находится и штундистъ, отрицающій существованіе той Церкви, среди которой онъ выросъ и пріютился. Простая внушительная рѣчь священника, въ силу божественныхъ полномочій, имѣетъ неотразимое впечатлѣніе на новичка-штундиста. Въ с. Крымкахъ, звенигород. у., года два тому назадъ, два семейства совратились было въ штунду; мѣстный священникъ и другой приглашенный имъ толковали съ ними, но получили въ отвѣтъ: «мы больше васъ знаемъ, ибо въ насъ вселился Духъ св., и мы не требуемъ, чтобы насъ кто училъ». Послѣ этого, по просьбѣ мѣстнаго священника, явился еще одинъ священникъ изъ другаго округа и вмѣстѣ съ сельскимъ старостою пошелъ въ дома штундистовъ; говорилъ онъ просто, но съ полнымъ сознаніемъ своего пастырскаго достоинства. «Когда вы штундисты говорите, что въ васъ вселился Духъ св., вы говорите явную ложь; мнѣ больше знать объ этомъ, чѣмъ вамъ; вы порочите село, въ которомъ выросли; вы скверните землю, по которой съ большимъ правомъ, чѣмъ вы, бѣгаютъ неразумныя животныя; вы не имѣете никакого права вѣровать по своему и какъ научили васъ беззаконные люди; вы должны вѣровать какъ учитъ васъ, согласно съ вселенскою Церковію, вашъ приходскій священникъ».

Сельскому старостѣ велѣлъ забрать Библію и Евангелія для храненія въ домѣ священника. Было вечернее время и, какъ лошади были томленныя, тотъ священникъ обночевалъ въ домѣ мѣстнаго священника. Другаго дня, рано утромъ, штундисты явились и пали въ ноги священнику, вразумлявшему ихъ, прося у него прощенія. «Просите прощенія у своего священника: сказано было имъ; вы предъ нимъ больше виноваты». И штунда въ томъ селѣ исчезла. Тотъ же священникъ въ селѣ Терешкахъ, звенигородскаго уѣзда, удаливши изъ дома мѣстнаго вожака штунды, какъ недостойнаго слова священническаго за совращеніе несовершеннолѣтняго мальчика, пока онъ не понесетъ заслуженнаго наказанія, простыми рѣчами довелъ двухъ штундистовъ до того, что они пали въ ноги и цѣловали ноги его и своего священника. Но такъ какъ не была поставлена охрана и вожакъ ходилъ къ нимъ, они опять возвратились въ штунду. Знать Св. Писаніе священнику, конечно, необходимо, но никогда оно не замѣнитъ ревности, съ какою священнику нужно говорить съ штундистомъ. На крестьянство производитъ впечатлѣніе самое малое проявленіе этой ревности. Тотъ же священникъ, узнавши, что терешковскій штундистъ ходитъ по сосѣднему селу съ своею проповѣдью, поѣхалъ въ то село, распрашивая по домамъ, чуть не все село, гдѣ былъ штундистъ. Чрезъ нѣсколько дней, при освященіи колодца на полѣ, явились два человѣка и благодарили того священника за произведенный имъ «ополохъ», выражая увѣренность, что теперь у нихъ штундистовъ не будетъ, а то имѣли нѣкоторые совратиться. Такіе факты показываютъ, что спасеніе наше не въ противо-штундистскихъ библіотекахъ, а въ уготованіи себя къ подвигу.

Прежде чѣмъ говорить съ штундистомъ, въ существованіи котораго въ вашемъ приходѣ вы убѣдились, не ожидая воскреснаго или праздничнаго дня, совершите и въ будній день божественную литургію, чтобы укрѣпиться Божественною помощію на предлежащій подвигъ; пусть въ церкви будетъ одинъ церковный сторожъ, но прихожане узнаютъ, по какому чрезвычайному случаю совершено въ неурочный день богослуженіе. Помолитесь первою молитвою объ обращеніи совратившихся, чего вы никогда не допускали, право правя слово истины. Ваше слово, на дому у него

или у себя, не повліяло на штундиста,—велите призвать его въ церковь, въ воскресный или праздничный день, когда прихожане ваши собираются въ храмѣ. Въ общежитіи сынъ отвергшійся отца или матери не есть еще отверженный ими, пока они не отвергли его; никто не отрицаетъ у нихъ права призывать его къ себѣ. Права, содержащіяся въ понятіи семейства, также естественны и въ понятіи церкви, въ которой священникъ есть духовный отецъ, а прихожане—его духовныя дѣти. Не дѣлая того, что вы можете дѣлать по праву церковному, вы доказываете, что у васъ нѣтъ церковнаго сознанія, или ослабѣла ваша воля въ дѣлѣ исполненія вашего долга. Какъ часто недоумѣваютъ священники по вопросу: отбирать ли Евангеліе у штундистовъ, или нѣтъ. Отбирайте, когда они находятся въ періодѣ вразумленія; а по прошествіи его, возвратите, какъ вещь, которою они владѣютъ на правахъ лицъ не принадлежащихъ церкви. Это уже дѣло государственной власти—дозволить штундистамъ, злоупотребившимъ Евангеліемъ, пользоваться имъ, по признаніи ихъ церковною властію дѣйствительно лишенными общенія съ Церковію.

Штундиста привели въ церковь, пригласите своихъ прихожанъ помолиться за него Господу Богу, а по окончаніи литургіи, обратитесь къ нему съ словомъ вразумленія. Прочитайте по Евангелію слова Спасителя: *«повѣждь Церкви, аще и Церковь преслушаетъ братъ твой, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Матѳ. 18, 17). Что такое Церковь, въ какихъ различныхъ смыслахъ это слово употребляется — разъяснить это обязательно нужно. Поднявши вверхъ Евангеліе, объясните: кто написалъ эту священную книгу, когда она написана, и почему Господь нашъ Іисусъ Христосъ не оставилъ писанной книги,—вы скажите, что Священное писаніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ теперь, не явилось сразу, а спустя нѣкоторое время,—что книги Новаго завѣта существовали по частямъ, отдѣльно, въ отдаленныхъ другъ отъ друга церквахъ,—выясните, что писанія апостольскія являлись не вслѣдствіе того, чтобы находили устное наученіе не достаточнымъ въ качествѣ источника вѣры и жизни христіанъ, но вслѣдствіе появленія лжеучителей, перетолковывавшихъ ученіе Спасителя, для обличенія которыхъ апостолы сами не могли лично явиться.

Евангелисты и апостолы не сами по себѣ, а по просьбѣ христіанъ записали слово Божіе въ книги.

Въ историческомъ происхожденіи христіанства не пастыри предшествовали христіанамъ а христіане пастырямъ; пастырей не было бы, если бы не было христіанъ. Скажите прихожанамъ: я священникъ вашъ, но меня еще не было у васъ, а вы уже были; такъ было и раньше насъ. Апостолы прежде обращали іудеевъ и язычниковъ въ христіанство, а потомъ поставляли имъ пастырей— учить тому, чему они учили, совершать тѣ таинства, которые они первые совершали. Христіане не приняли бы пастырей, если бы они привнесли свое человѣческое мудрованіе въ разумѣніи истинъ Христіанской Вѣры. Итакъ, всегда была неразрывная связь между пастырями и христіанами, въ самой неразрывности заключавшая оплотъ противъ искаженія Христіанской Вѣры. По единству вѣры священникъ принадлежитъ прихожанамъ, а прихожане священнику. Враги православія отлично понимаютъ этотъ камень вѣры, и потому стараются разбить его, представляя священника внѣшнею, а не внутреннею силою въ организмѣ прихода. Скажите штундисту: «я и прихожане мои одно и тоже,—я въ нихъ, а они во мнѣ. По вопросу: почему Господь нашъ Іисусъ Христосъ не оставилъ писанной книги, укажите на апостоловъ. Апостолы заботились о томъ, чтобы христіане, какъ говоритъ ап. Павелъ, показывали, что они письмо Христово, чрезъ служеніе ихъ написанное не чернилами, но духомъ Бога живаго, не на скрыжаляхъ каменныхъ, но на плотяныхъ скрыжаляхъ сердца (2 Кор. 1, 3). Значитъ, каждый православный христіанинъ есть воплощенное евангеліе въ его истинной дѣйствительности; онъ можетъ не понимать тонкостей богословствующей мысли, но основы ея живы въ его сердцѣ; *сердцемъ бо вѣруется въ правду* (Римл. 10, 10).

Апостолъ Іуда поясняетъ: *къ однимъ будьте милостивы съ разсмотрѣніемъ, а другихъ страхомъ спасайте* (гл. 1. ст. 22, 23). Это обращено было къ еретикамъ, проповѣдывавшимъ въ его время полную свободу въ христіанствѣ. Спасайте же и вы, іереи, штундиста страхомъ предъ своею христіанской общиной въ приходѣ, вразумляя его съ христіанской кротостію и долготерпѣніемъ. Въ православіи на практикѣ нѣтъ той строгой дисциплины, по

которой ап. Павелъ въ первомъ Посланіи къ коринѳянамъ (5, 1) требовалъ, чтобы членъ тамошней церкви, впавшій въ грѣхъ кровосмѣшенія, торжественно былъ исключенъ изъ нея; услышавъ же о раскаяніи исключеннаго, онъ предлагалъ во второмъ Посланіи (2, 5) снова принять его въ церковь. Всякая дисциплина, сообразно времени, подлежитъ измѣненію; но отрицать ее по существу нельзя, ибо она необходимое условіе существованія всякой общины. Выраженіемъ этой дистиплины и будетъ участіе прихожанъ во вразумленіи штундиста, если не прямое, то хотя косвенное,—въ формѣ присутствія ихъ въ церкви. Прочитайте по Евангелію слова Спасителя: *внидите узкими враты, яко пространная врата и широкій путь вводяй въ пагубу, и мнози суть входящіи ими. Что узкая врата и тѣсный путь вводяй въ животъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его* (Матѳ. 7, 13. 14). Тѣсныя врата—это послушаніе Господу Спасителю и установленной Имъ Церкви. Узокъ путь—одна единственная дорога ко спасенію, по которой шли отцы наши по вѣрѣ, начиная съ апостоловъ, стоя на твердомъ камени исповѣданія Православной вѣры. Въ безусловномъ послушаніи Спасителю главное отличіе православнаго исповѣданія отъ римско-католическаго и всѣхъ прочихъ. Пространный путь—это неисчислимыя своеволія человѣка въ устроеніи своего спасенія, неимѣющія никакого подобія истины, къ которымъ причисляется и штундистское лжеученіе. Что дѣйствительно это такъ, прочитайте слѣдующій стихъ: *внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ въ одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы* (15). Въ 23 главѣ отъ Матѳея, которую штундисты приводятъ противъ священниковъ, но гдѣ ни одного слова нѣтъ противъ священниковъ даже іудейскихъ, не говоря о томъ, что священства новозавѣтной церкви тогда не существовало, есть грозныя слова противъ самыхъ шаундистовъ: *такъ и вы по наружности кажетесь людямъ праведными, а внутри исполнены лицемѣрія и беззаконія*. Господь нашъ Іисусъ Христосъ потому направилъ грозную рѣчь свою противъ книжниковъ, что они составляли въ іудействѣ руководящій классъ въ превратномъ истолкованіи священныхъ книгъ, заслонявшій собою ветхозавѣтныхъ священниковъ. Въ словахъ Спасителя: *шедъ покажися іереови*

(Матѳ. глава 8, 4) находится указаніе современнымъ Спасителю іудеямъ о позабытомъ ими достоинствѣ священниковъ. На сколько заповѣдалъ Спаситель хранить чистоту Его ученія—укажите на ап. Петра, который, за исповѣданіе вѣры въ Спасителя услышалъ отъ Него радостныя слова: *блаженъ еси Симоне варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. 16. 17). За человѣческое же мудрованіе и участливую просьбу къ Спасителю—пожалѣть Себя и избѣжать предстоящихъ Ему страданій—услышалъ грозныя слова: *отойди отъ Меня сатана* (Матѳ. 16, 23). Чего же достойны штундисты за плотяное пониманіе безцѣннаго дара—ученія Спасителя?

Преподавши штундисту посильное вразумленіе, спросите вашихъ прихожанъ: вѣруютъ ли они такъ, какъ научаетъ насъ вѣровать святая Православная Церковь наша? На это исповѣданіе Вѣры прихожанъ укажите штундисту, какъ на отрицаніе штундистскаго лжеученія; потомъ его самаго спросите: сознаетъ ли онъ свое заблужденіе? Если раскаявается, пріймите его въ общеніе съ Церковью посредствомъ исповѣди; въ противномъ случаѣ, велите привести его въ церковь и въ слѣдующее воскресенье, когда всѣ прихожане, для вразумленія штундиста, будутъ исповѣдывать во храмѣ свою Православную вѣру. Въ концѣ концовъ, скажите исповѣдникамъ Православія, что имена ихъ записаны и хранятся въ Церкви. Радуйтеся и веселитеся прихожане, яко имена ваши записаны и на небесахъ.

Исчерпавши всѣ мѣры къ вразумленію штундиста, какія внушаетъ вамъ долгъ православнаго священника, велите въ послѣдній разъ привести штундиста въ церковь и всенародно, торжественно объявите ему, что какъ упорный отступникъ, онъ самою церковію отлучается отъ общенія съ нею и, потому не имѣетъ права при комъ нибудь изъ православныхъ порицать Православную вѣру; въ противномъ случаѣ будетъ преданъ гражданскому суду. И что за похвала, по Апостолу, если онъ будетъ терпѣть за проступки (первое посл. Петра, 2, 20). Не гоненіе за вѣру ждетъ его, а справедливое наказаніе за пропаганду и поруганіе Православной Вѣры. Доселѣ онъ былъ овца заблудшая, за которою священникъ

бѣгалъ, оставляя 99, а теперь онъ—волкъ хищный, отъ котораго нужно охранять овецъ.

Священникъ *І. Гордіевскій.*

Назрѣвшій вопросъ.

О богуславскомъ обществѣ трезвости, или правильнѣе, братствѣ, ходитъ много различныхъ толковъ и слуховъ, часто невѣрныхъ, а иногда и вовсе вымышленныхъ. Я долго молчалъ, но теперь, какъ пастырь Троицкой церкви, въ приходѣ которой находится названное общество, нахожу нужнымъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Священникомъ въ Богуславѣ я состою 5-й годъ и знаю своихъ прихожанъ, знаютъ и они меня. Братство основано 4 года тому назадъ, и также хорошо мнѣ извѣстно во всѣхъ отношеніяхъ,—и знаю я, что оно, на сколько можно, преслѣдуетъ намѣченныя ему цѣли. Главная же цѣль его та, чтобы укрѣпить въ приходѣ православіе, духъ церковности, духъ любви къ истинной Церкви. Разъ это будетъ достигнуто, тогда для Церкви не страшенъ никакой штундизмъ и никакой лживый духъ. Достигнуто ли это въ богуславскомъ обществѣ—это другой вопросъ; по крайней мѣрѣ, намъ, пастырямъ церкви, рукъ покладать нельзя; и цѣлой жизни нашей мало для того, чтобы поставить дѣло блистательно. Однако, хорошо ужъ и то, что дѣло начато; движется оно медленно и тихо; невозможно же соръ, накопившійся вѣками, сдвинуть сразу; а между тѣмъ, изъ добраго сѣмени со временемъ выростетъ не одинъ ростокъ, а цѣлая нива; нуженъ только хорошій уходъ и поливка, а возраститъ Богъ...

Трудно это дѣло,—что и говорить,—однако необходимо, по крайней мѣрѣ, для Богуслава. Въ Богуславѣ, думаю и въ каждомъ приходѣ, есть 2 рода людей: одни тяготѣютъ къ Православію, а другіе относятся къ нему безразлично и даже, что еще хуже, не совсѣмъ сочувственно, съ протестомъ. Этотъ протестъ, разумѣется, не гласенъ, но все же онъ есть и представляетъ собою удобную почву для развитія разнаго сектантства. Достаточно какому либо пройдохѣ храбро дунуть въ искру проте-

ста, и онъ изъ пассивнаго дѣлается активнымъ, изъ негласнаго—гласнымъ. Этимъ только и можно объяснить быстрое развитіе въ Россіи сектантства. Ясно, что на почвѣ дикой, необработанной, можно, взрыхливши землю, посѣять какія угодно сѣмена. Къ такой почвѣ можно отнести всѣхъ (я говорю о низшемъ, необразованномъ классѣ), равнодушныхъ въ религіи и всѣхъ протестантовъ. Этихъ людей привыкли называть сухою смоковницею, не приносящею плода, или сухою вѣтвью, достойною сожиганія; а потому, испробовавши нѣкоторыя средства, ихъ обыкновенно бросаютъ на произволъ судьбы, какъ никуда негодныхъ. Положимъ, что отчасти это такъ; но вотъ вопросъ: есть ли такой законъ, по которому даже самый ярый отступникъ отъ Церкви неминуемо долженъ оставаться при своемъ заблужденіи до гроба? Нѣтъ; а если нѣтъ, то ни одного сектанта не должно считать совсѣмъ погибшимъ, а посему и мѣръ къ его возвращенію покидать нельзя.

Къ сожалѣнію, людей ненадежныхъ въ вѣрѣ въ каждомъ селѣ если не три четверти, то вѣрно половина. Здѣсь у мѣста привести такой случай. При моемъ вступленіи въ Богуславъ, на мой вопросъ, сколько у васъ штундистовъ?—одинъ прихожанинъ отвѣтилъ: «да мы, батюшка, всѣ штунды». Такой отвѣтъ меня поразилъ; счесть его за шутку не было—основаній, и вотъ, присмотрѣвшись, затѣмъ, къ жизни прихожанъ, я нашелъ, что слова его были въ значительной степени справедливы. Народъ раздѣлялся на 2 части: одни ходили въ церковь, ставили свѣчи,—но были внутри пусты; другіе, ставя внутренность выше всего, отбились отъ церкви и отрицали значеніе внѣшности. Кто изъ нихъ былъ лучше,—рѣшить трудно. Задача пастыря здѣсь сводилась къ тому, чтобы сочетать то и другое. Достигнуть этого можно было не иначе, какъ выработкою здраваго, православнаго ученія въ умахъ прихожанъ и примѣненіемъ его къ практикѣ. И вотъ явились внѣцерковныя бесѣды, результатомъ коихъ было основаніе въ Богуславѣ общества трезвости, нынѣ братства. Уставъ его въ свое время былъ напечатанъ въ «Кіевск. Епар. Вѣдомостяхъ», такъ что излагать содержаніе его здѣсь нѣтъ нужды; можно только замѣтить, что онъ исполнялся, по возможности, строго; о пользѣ же его и говорить нечего. Но каковы вообще трезвенники,—есть ли

въ нихъ штундовый духъ? Если можно людей, старающихся жить по христіански,—людей, протестующихъ при томъ противъ ненормальной жизни остальныхъ христіанъ,—назвать штундами, то—пожалуй. Но тогда каждаго проповѣдника строгой морали можно окрестить тѣмъ же именемъ, въ особенности если жизнь его расходится съ словомъ. Походить на штунда по формѣ можно (и случается съ нами не рѣдко), но лишь бы не быть штундомъ на самомъ дѣлѣ—въ томъ смыслѣ, какъ это обыкновенно у насъ принято понимать.

Трезвенники до церкви усердны, богомольны, начальству покорны, въ церкви поютъ, пастыря слушаютъ, живутъ порядочно, сострадательны,—и тамъ, гдѣ другіе за услугу требуютъ плату, они оказываютъ ее безвозмездно. Что же еще больше? На штундовъ по формѣ они походятъ и въ другомъ отношеніи, именно: каждый праздникъ они собираются въ извѣстные часы, опредѣленные пастыремъ, въ царскій домъ, для церковныхъ пѣснопѣній и бесѣдъ, подъ руководствомъ и при личномъ участіи пастыря. Охота къ этому у нихъ развита настолько, что во время оказій (крестинъ, похоронъ и т. п.), они испрашиваютъ у пастыря позволенія пѣть и читать избранныя книги и дома; но все это въ православномъ духѣ,—и предосудительнаго въ этомъ нѣтъ ничего. Словомъ, если сказать по совѣсти, то они—православные штунды, о заведеніи коихъ у насъ трактовалъ еще высокоуважаемый покойный еп. Ѳеофанъ. Бояться, что изъ нихъ выработаются тайные штунды—нѣтъ основаній.

Мы знаемъ, что только запрещенный плодъ сладокъ; а если мы кушать его не запрещаемъ, а только выбираемъ подходящій плодъ и научаемъ, какъ съ нимъ обходиться, то это и есть удовлетвореніе насущныхъ потребностей человѣка. Жажды народной къ изученію слова Божія и устроенію жизни на лучшихъ началахъ—игнорировать не слѣдуетъ; если не будемъ удовлетворять ей правильно, то она найдетъ себѣ исходъ другимъ путемъ (извѣстно, что въ пустынѣ, за неимѣніемъ хорошихъ источниковъ, пьютъ мутную, стоячую воду). Мы, пастыри, должны быть друзьями народа въ данномъ случаѣ и направлять его къ источнику воды живой; но направлять не властію (рѣзкій крикъ для человѣка,

истомленнаго жаждой, бываетъ непріятенъ и можетъ его раздражить и отклонить), а съ участіемъ и искренностію. Обмануть народъ лицемѣріемъ и притворствомъ нельзя: онъ чутко понимаетъ, кто ему желаетъ добра и кто поступаетъ съ нимъ безчеловѣчно. А посему, волею неволею, пастырямъ нужно идти на встрѣчу приходскимъ нуждамъ и съ готовностію, безъ раздраженія, удовлетворять имъ. Заведеніе внѣцерковныхъ бесѣдъ, равно какъ и братствъ, давно бы нужно было въ Россіи и, еслибъ это было, если бы также во время и серіозно было обращено вниманіе на протестантскій народный духъ, то, пожалуй, не было бы и штунды. Но, разъ она есть, мы должны считаться съ нею и вырабатывать надежныя средства къ ея истребленію. Пусть эти средства сначала будутъ и не такъ сильны,—время хорошій регуляторъ всему,—и то, что мы неумѣло примѣняемъ теперь, окажется хорошимъ средствомъ потомъ, послѣ жизненной практики. Здѣсь важна идея, важна мысль дѣла, правильно выработанная, въ противовѣсъ дряблымъ идеямъ сектантства. Вѣдь и сектанты примѣняли свои идеи не сразу, да и теперь еще они достаточно хромаютъ въ правильномъ устройствѣ своихъ общинъ. У насъ же общество трезвости новинка, и удивляться, б. м., неправильной постановкѣ дѣла не слѣдуетъ: оно лишь развивается. Тѣмъ не менѣе братства или общества трезвости должны у насъ служить ядромъ или центромъ, около котораго будутъ группироваться лучшія силы прихода—изъ православныхъ, или изъ возвратившихся въ православіе. Только одно православное, окрѣпшее братство способно соединить 2 разряда людей, бывшихъ, по видимому, въ самой крайней противоположности,—православныхъ и штундовъ; какъ извѣстно, крайности сходятся.

Какъ же, однако, намъ избавиться отъ духа штундоваго? Увы! Теперь уже не секретъ, что штундизма, разъ онъ забрался въ извѣстное мѣсто, совершенно вывести нельзя; притупить же его острое жало, или направить его въ другую, хоть бы и обратную сторону, можно. Для этого 2 пути: одинъ строгій—путь кары и власти; другой мягкій—путь правды и мира. Для пастырей возможенъ только 2-й путь, по примѣру Христа, Который трости надломленной не сокрушилъ и льна курящаго не угасилъ... При томъ, у пастыря нѣтъ меча, кромѣ духовнаго, и мечъ этотъ—слово Бо-

жіе. Но слово—словомъ, а дѣло—дѣломъ. Мы не успокоимъ словами голоднаго, покуда не дадимъ ему ѣсть, иначе онъ умретъ съ голоду. Мы часто удивляемся, что наши проповѣди, даже самыя краснорѣчивыя и умныя, не приносятъ пользы,—не дѣйствуютъ на народъ; а суть въ томъ, что мы ограничиваемся лишь проповѣдью, смысла которой народъ часто не понимаетъ; а если и понимаетъ, то не умѣетъ приложить его къ дѣлу; оттого наши слова и остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Слѣдовательно, если когда, то теперь священнику нужно болѣе дѣлать полезнаго, чѣмъ говорить; тогда самое дѣло скажетъ о томъ, что нужно.

Измѣненіе жизни прихожанъ на новый ладъ, въ смыслѣ выясненія и развитія у нихъ духа православія чрезъ заведеніе бесѣдъ и братствъ, установленіе взаимопомощи и под.—все это вопросы насущные, подлежащіе немедленному осуществленію. При этомъ, конечно, священнику нужно отъ многаго отрѣшиться, многое потерять,—жертвовать своимъ; но что же дѣлать? Другого исхода нѣтъ. Нѣтъ хуже переходнаго времени въ развитіи жизни народной; но переживать его кому нибудь да нужно. Съ другой стороны, какъ ни суди, а народъ—сила, основа государства; а это—важно... Мы отъ него питаемся; ему и должны служить вѣрой и правдой, сообразуясь съ закономъ Божьимъ, почему и его сильныя насущныя потребности не презирать должны, а направлять въ хорошую сторону. Такъ ли направлены богуславскіе трезвенники, объ этомъ знаетъ Всевѣдущій. Въ свое время нѣкто сообщалъ о жизни и дѣятельности богуславскихъ трезвенниковъ,—и слова его были не ложны. Скажу, что объ ихъ дѣлахъ, объ ихъ хорошихъ отношеніяхъ и помощи всѣмъ прихожанамъ (исключая штундовъ), объ ихъ душевномъ настроеніи могутъ сказать церковныя лѣтописи, или книжныя записи фактовъ, возможно тщательно ведомыхъ.

Но никогда о жизни человѣческой, объ ея внутреннемъ содержаніи нельзя узнать такъ полно и такъ ясно, какъ при отходѣ человѣка въ вѣчность. Тяжелыя болѣзни и смертные случаи между трезвенниками за 4 года, конечно, были (до 10); вотъ тутъ то пастырь и позналъ своихъ... Скажу, что я желаю такой христіанской смерти каждому православному. Ни одинъ изъ трезвенниковъ не умеръ безъ покаянія и принятія св. Таинъ; потерю св. напутствія они

считаютъ для себя за страшное несчастіе и никогда бы до этого себя не допустили. Были случаи, когда трезвенники такъ заботились о безродныхъ умирающихъ, какъ иногда родные не заботятся о своихъ присныхъ. У нихъ введенъ обычай масломъ соборовать тяжко больныхъ обязательно. Нѣтъ.., богуславскіе трезвенники не штунды. Много имъ, бѣднымъ, приходится выносить отъ антитрезвенниковъ, много силъ тратить на то, чтобы доказать свою благонамѣренность и православіе, и нужно удивляться ихъ великодушію и терпѣнію.

Я все сказалъ; остается, однакоже, сказать слово заключительное: чтобы не пахло въ приходѣ штундизмомъ, есть одно средство: всѣхъ, зараженныхъ штундизмомъ, немедленно отсѣкать и водворять въ мѣста, далеко удаленныя отъ православія... Но это невозможно; да и будетъ ли отъ этого польза? На мѣсто однихъ плевелъ возрастутъ другіе...

Священникъ *П. Тихвинскій.*

Одежда духовныхъ лицъ на Востокѣ.

(Изъ запис. путешествен. въ Св. Землю).

Положительно можно утверждать, что ни одно сословіе въ общественной жизни не выдѣляется такъ рѣзко своею одеждою, какъ сословіе духовное. Духовное лице, по его одеждѣ, всегда можно замѣтить среди сотней людей разныхъ званій и должностей. И это очень важно. Духовное лице—какъ *свѣтильникъ на свѣщницѣ...* (Матѳ. V, 15). На духовное лице смотрятъ испытующимъ глазомъ всѣ,—и свои и чужіе, и православные и неправославные, и христіане и нехристіане. Это очень хорошо видитъ и ясно понимаетъ православное духовенство на Востокѣ. Цѣлыя истекшія столѣтія пребыванія правосл. духовенства среди магометанъ и разнообразнаго инославнаго миссіонерствующаго клира на Востокѣ выработали для греческаго духовенства неизмѣнное правило: *быть строго приличнымъ въ своей духовной одеждѣ*

Во время моихъ путешествій на Востокъ, мнѣ не приходилось встрѣчать тамъ ни на улицахъ городовъ, ни на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, ни на палубахъ пароходовъ такихъ лицъ восточнаго православнаго духовенства, которыя своимъ наружнымъ видомъ, т. е. своей одеждой, роняли бы свое духовное званіе. Внѣ дома духовенство это одѣяно непостыдно. Встрѣчаются лица въ одеждѣ бѣдной, но чистой. На Востокѣ, какъ извѣстно, повсюду распространено куреніе табака. Но духовное лице на Востокѣ никогда не позволитъ себѣ курить свой кальянъ въ общественномъ мѣстѣ.. Въ Восточныхъ ханахъ, или, по нашему, гостинницахъ, кофейняхъ, подаютъ только чашку кофе, но никогда не продаютъ ракіи, т. е. нашей водки, или вина,—и мѣстное духовенство угощается тамъ только мѣстнымъ питіемъ кофе; это питіе тамъ употребляютъ всѣ: и бѣдные феллахи—рабы, и поденщики, и богатые эфенди—сановитые, и властвующіе люди; другаго же питія, опьяняющаго, въ общественныхъ мѣстахъ духовенство не употребляетъ на Востокѣ. Да и вообще нетрезвыя лица тамъ не встрѣчаются на улицахъ.

Въ «Поученіи святительскомъ къ новопоставленному іерею» внушается, чтобы священнослужители *одежду носили долгу до глезна* (до лодыжки, пяты), *ни отъ пестринъ* (яркую, пеструю), *ни отъ утварей мірскихъ* (л. 2). Несомнѣнно, что первоначальный текстъ сего поучительнаго святительскаго наставленія—греческій. И восточное духовенство строго исполняетъ то правило, чтобы не украшать себя пестрой, разноцвѣтной и яркой одеждой и мірскими одеждами. Тамъ я видѣлъ только два цвѣта священническихъ одеждъ: черный и темно-коричневый; первый цвѣтъ господствующій, второй менѣе употребителенъ; первый носитъ какъ монашествующее духовенство, такъ и мірское, второй—только мірское. Такимъ образомъ, согласно 8-му прав. поименованнаго выше «Святительскаго поученія», соблюдается тамъ твердо «опрятность въ платьѣ и благопристойность, сану священническому подлежащія» (л. 6).

Какой крой одежды православнаго духовенства на Востокѣ? Крой этотъ нѣсколько отличается отъ кроя нашихъ священническихъ одеждъ. Крой тамошней одежды несомнѣнно выработанъ климатическими условіями знойнаго и душнаго Востока такъ же, какъ и крой нашей священнической одежды передѣланъ съ гре-

ческаго покроя, примѣнительно къ холодному климату Сѣвера. Ряса греческая широкая, просторная, свободно развивающаяся при всякомъ прохладительно-освѣжающемъ дыханіи легкаго вѣтра, такъ пріятнаго въ жаркій, палящій день. Рясы съ перехватомъ у пояса, съ таліей, рясы узкой, щеголеватой не знаетъ восточное духовенство. По швамъ, ниже широкихъ рукавовъ въ греческихъ рясахъ дѣлаются прорѣхи для кармановъ, но карманы эти вшиваются только въ подрясникахъ, а не въ рясахъ. Воротникъ греческой рясы совершенно свободно облегаетъ вокругъ шеи. Въ жаркомъ климатѣ такой воротникъ удобенъ; а по нашему климату подобный воротникъ въ осенніе мѣсяцы и зимою не защищалъ бы отъ холода и простуды горла. Въ виду сего послѣдняго обстоятельства, наши воротники въ рясяхъ плотно прилегаютъ къ шеи. Рукава греческаго подрясника достаточно свободны для того, чтобы, при испаринѣ и выпотѣніи рукъ, рукава эти легко можно было завернуть къ верху и освѣжить руки. Подрясники въ большинствѣ случаевъ подпоясываются широкими черными поясами, такой же наборки, какъ и подрясники. Широкіе пояса на Востокѣ, вообще въ большомъ употребленіи; они предохраняютъ желудокъ отъ простуды, каковое обстоятельство, при рѣзкой перемѣнѣ температуры между жаромъ дня и прохладой вечера и ночи, имѣетъ важное значеніе на Востокѣ.

Какой головной уборъ и какая обувь на Востокѣ?—Священническихъ шляпъ не носятъ тамъ. Какъ монашествующее, такъ и мірское духовенство на Востокѣ носитъ на головѣ клобукъ особаго вида и формы. Клобукъ этотъ похожъ на древній античный сосудъ, верхъ котораго шире основанія. Верхъ клобука кругловидный. Въ центрѣ верха сдѣлано отверстіе, для головной испарины. Такой головной уборъ носитъ, безъ различія степеней и достоинствъ, все духовенство на Востокѣ. Мнѣ всегда казалось, что этотъ головной уборъ духовенства, безъ защиты глазъ отъ яркихъ лучей солнца, т. е., безъ полей нашей шляпы, никоимъ образомъ не соотвѣтствуютъ Востоку. Этотъ уборъ чужой, позаимствованный. По всей вѣроятности, этотъ головной уборъ есть остатокъ головныхъ украшеній классической Греціи, получившій уже въ позднѣйшее время среди греческаго духовенства обо-

бщеніе по всему Востоку [1]). Сапогъ на Востокѣ вообще не носятъ; носятъ тамъ башмаки, сандаліи и даже деревянныя на ремняхъ подошвы. Конечно, сіи послѣднія употребляются только въ домѣ. Духовенство тамъ въ туфляхъ и башмакахъ совершаетъ и служеніе въ храмѣ. Для русскаго глаза, конечно, это необычно и неприглядно. Невольно при этомъ вспоминается наставленіе святительское: «вы, священникъ и діаконъ, службу Божію отправлять въ неприличной обуви отнюдь да не дерзаете» (л. 6). А восточныя туфли для храма не могутъ быть названы приличной обувью.

Въ общемъ, вѣковой строго-приличный наружный видъ восточнаго духовенства сдѣлалъ то очень, очень важное дѣло, что тамъ духовное лице, являясь въ общественныхъ мѣстахъ общественной жизни, несмотря на плотно окружающую его иновѣрную и иноязычную толпу, никогда не подвергается оскорбительнымъ и злымъ насмѣшкамъ... На Востокѣ тамошнее духовенство, несомнѣнно, умѣетъ себя держать строго-прилично на улицахъ городовъ, на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, на палубахъ пароходовъ и въ другихъ мѣстахъ, идѣже всегда вообще народъ снемлется. Я только разъ видѣлъ въ Смирнѣ одно духовное лице изъ келліотовъ Аѳона, которое своей изорванной рясой производило общій соблазнъ на многолюдной набережной Смирнскаго залива. Тяжело было и мнѣ смотрѣть на этого келліота, такъ оскорбительно роняющаго предъ чужими глазами значеніе священнической рясы.

Слышится, и, къ сожалѣнію, слышится неоднократно, что наше духовенство не всегда прилагаетъ должное вниманіе къ тому, чтобы быть строго-приличнымъ на вокзалахъ, на городскихъ улицахъ и др. обществ. мѣстахъ, и опрятнымъ въ своей одеждѣ. Или пестрота и щегольство, или небрежность и опущенность—вотъ двѣ противоположныя наши крайности въ священническихъ одеждахъ. А, вѣдь, по одежкѣ встрѣчаютъ. Еще святитель Филаретъ

---

[1]) Съ заплетенными въ косу волосами восточное духовенство никогда не позволитъ себѣ выйти на улицу города. Коса на главѣ іерея вызвала бы тамъ общее порицаніе среди прохожихъ. Обыкновенно, у кого изъ духовенства длинные волосы, тотъ на улицѣ подбираетъ ихъ къ верху и покриваетъ клобукомъ. А въ храмѣ распускаютъ волосы по плечамъ.

московскій, въ своемъ образцовомъ словѣ: «и объ одеждѣ что печетеся», поучительно замѣтилъ, что «есть классы общества, для которыхъ необходимо благолѣпіе въ одѣяніи. Въ сихъ классахъ общества не тщеславіе, но долгъ и обязанность внушаютъ строгое благолѣпіе одежды и поведенія». Къ такимъ классамъ общества, несомнѣнно, принадлежимъ и мы, т. е., православное духовенство. А въ настоящее время особенно не слѣдуетъ забывать всей важности вопроса о строгомъ благоприличіи нашей священнической одежды. Мы стоимъ *на свѣщницѣ*. Въ общественныхъ мѣстахъ на насъ устремлены глаза многихъ...

Протоіерей *Кл. Ѳоменко.*

Руководственныя указанія касательно освященія храмовъ, совершаемаго, съ благословенія епископа, священникомъ [1]).

Святые храмы не рѣдко, съ благословенія епископа, освящаются священниками. И совершавшему уже не разъ освященіе храма священнику требуется приготовиться къ этому важному и священному дѣлу. Незнакомому же съ порядкомъ освященія храма много предстоитъ заботы и труда, чтобы исполнить порученное ему епископомъ дѣло освященія храма, какъ требуется,—истово. Въ послѣдованіи на освященіе храма, напечатанномъ въ Большомъ синодскомъ требникѣ, на лист. 273—278, слишкомъ коротко изложенъ порядокъ освященія храма. Именно: «По скончаніи» священниками, въ полномъ облаченіи, «освященія воды» на 1-е августа, пріемше священницы воду святую, сущую на блюдѣ, и съ честнымъ крестомъ, такожде и столъ, на немъ же потребы лежатъ, и приносятъ во олтарь, и олтарю затворену бывшу, и не смѣютъ тамо стояти отъ мірскихъ никтоже, токмо священницы и діакони облечени во священныя одежды. Пріемлютъ же священницы дску трапезы. Начальствуяй же кропитъ святою водою столпы, или единостолпіе, ничтоже глаголя: и укрѣпляется дска трапезы якоже лѣпо, и омывается теплою водою, и отирается. И паки кропится

---

1) „Паст. Собесѣд.“ 1895 г. № 20

святою водою. Внегда же устроется трапеза и омывается, глаголютъ псаломъ 144: вознесу тя Боже мой... и псаломъ 22: Господь пасетъ мя... и псаломъ 83: коль возлюбленна селенія Твоя. Таже кропится срачица святою водою, и полагается на святую трапезу, и обязуется (просто) вервію на то устроенною, и окропленною святою водою. Таже кропится и индитія, и одѣваютъ ею святую трапезу, глаголюще псаломъ 92: Господь воцарися... И полагается святое Евангеліе и честный крестъ, и покрывается плащаницею, яже есть пелена. Вся же сія кропятся святою водою. Таже украшается предложеніе со кропленіемъ святыя воды. И поставляются сосуды и покрова, и пеленою покрываются». Вотъ весь порядокъ освященія престола и жертвенника, указанный въ Большомъ Требникѣ. Затѣмъ, послѣ освященія престола и жертвенника, слѣдуетъ освященіе храма кажденіемъ и кропленіемъ святою водою. Чтобы устранить неизбѣжныя незнакомому съ порядкомъ освященія храма священнику заботы и труды при справкахъ, какъ освящать храмъ, мы предлагаемъ настоящее посильное руководство, составленное на основаніи «Пособія къ изученію Устава Богослуженія Православной Церкви» протоіерея К. Никольскаго, примѣнительно къ дополнительному Требнику и согласно съ церковной практикой.

Къ освященію храма необходимо приготовиться. Престолъ долженъ быть вышиною одинъ аршинъ шесть вершковъ, а шириною и длиною по мѣрѣ алтаря и царскихъ вратъ. Доска напрестольная должна быть по мѣрѣ престола. И жертвенникъ долженъ быть такой же высоты, а шириною и длиною по мѣрѣ алтаря. Кругомъ доски престола и жертвенника должно сдѣлать выемку, или зазубрину, по которой сверхъ срачицы долженъ проходить три раза шнуръ, или вервь. На четырехъ углахъ досокъ напрестольной и на жертвенниковой приготовить по гнѣздышку, или ямкѣ. Престолъ и жертвенникъ, какъ можно чище, вымыть и укрѣпить накрѣпко чрезъ мастера, на указанныхъ въ планѣ мѣстахъ. Приготовить: 1) четыре гвоздя съ шляпками для престола и сколько надобно для жертвенника, такой длины, чтобы, проходя чрезъ доску престола и жертвенника, они могли захватить и столпы, для чего столпы также навертываются. Поверхъ этихъ гвоздей должны оставаться ямки, для залитія таковыхъ воскомастихомъ.

2) четыре камня—круглыхъ, небольшихъ голышей, которыми будутъ забиваться гвозди, четыре чистыхъ столовыхъ ножа для очищенія воскомастиха, когда онъ застынетъ, мѣдный кувшинъ съ теплою водою для омовенія престола, мыла—столько кусковъ, сколько будетъ служащихъ священниковъ, и столько же полотенцевъ для отиранія престола, нѣсколько пузырьковъ духовъ и грецкихъ губокъ столько, сколько будетъ служащихъ священниковъ, для конечнаго отиранія престола досуха. 3) Для составленія воскомастиха, на одинъ фунтъ желтаго воска, купить въ аптекѣ, по 10 золотниковъ, толченныхъ алоя, мастики, простого или роснаго ладона. Все это утромъ, предъ освященіемъ храма, кипятится діакономъ въ небольшой мѣдной кострюлькѣ, ручка которой обвивается лентою, чтобы не обжечь рукъ. Кипѣть всему этому составу даютъ не много, чтобы не полился изъ кострюльки. 4)—Двѣ грецкихъ губки: одну въ антиминсъ, другую въ потиръ, илитонъ, одежду на престолъ и жертвенникъ,—нижнюю—срачицы и верхнюю—индитіи, которыя заблаговременно должно примѣрить, чтобы не оказались тѣсными и просмотрѣть, такъ ли нашиты на нихъ кресты,—завѣсу въ алтарь къ царскимъ вратамъ и завѣсу, обычно коленкоровую, къ освященію храма, которая устроивается близь западныхъ дверей,—возможно прочную, крѣпкую вервь, или шнуръ, лучше шелковую, а не бумажную, до 60 аршинъ, (останется—не бѣда, годится для поручей) для обвязыванія престола и жертвенника,—чтобы достало три раза обойти кругомъ по доскѣ престола и жертвенника. Чтобы не запутались при обвязываніи, вервь эту должно намотать на клубокъ, а не держать моткомъ; воздухи, покрывала на престолъ и жертвенникъ, платы для отиранія устъ. 5)—Срачицъ, которыя надѣваютъ священники сверхъ священническаго облаченія, по числу имѣющихъ служить священниковъ. Озаботиться, чтобы по церкви и кругомъ церкви для крестнаго хода—вездѣ была чистота, опрятность и должное благолѣпіе. Вымыть и вычистить колокола на колокольнѣ.—Ко времени служенія всенощнаго бдѣнія, св. антиминсъ положить на дискосѣ, надъ нимъ поставить звѣздицу, покрыть воздухомъ и поставить на аналогій, на правой сторонѣ царскихъ вратъ, противъ образа Спасителя и зажечь предъ нимъ свѣчу. Но ко времени освя-

щенія храма св. антиминсъ безопаснѣе перенести въ алтарь, чтобы быть ему на виду у священниковъ.

Всенощное бдѣніе совершается не въ алтарѣ, а посрединѣ храма при закрытыхъ царскихъ вратахъ, для чего предъ царскими вратами становится столъ, накрытый скатертью, а по ней пеленою, на которой ставятся и полагаются священникомъ или діакономъ ковчегъ, св. Евангеліе, честный крестъ, потиръ, дискосъ, лжица, копье, звѣздица, двѣ тарелочки, губки въ антиминсъ и въ потиръ, воздухи, покровцы, пелены, платы для отиранія устъ, вервь для обвязанія престола, гвозди для укрѣпленія престола, одежды на престолъ и жертвенникъ, вещи для составленія воскомастиха, ножи, мыло, полотенца, пузырьки съ духами, губки для отиранія престола, двѣ завѣсы, одна къ царскимъ вратамъ, другая къ освященію храма. Все это покрывается пеленою. По угламъ стола становятся четыре подсвѣчника. Но предъ мѣстными иконами, еще неосвященными, свѣчи не зажигаются. У этого стола ставятся два аналоя, и на нихъ кладутъ три уже освященныя иконы: Спасителя, Божіей Матери и храмовую, поставляютъ семисвѣчникъ и нѣсколько подсвѣчниковъ, для большаго благолѣпія во храмѣ на время служенія всенощнаго бдѣнія. Въ алтарѣ, на особенномъ столѣ у горняго мѣста, полагаются кропило и, для прибиванія гвоздей, камни.

Утромъ, передъ освященіемъ храма, приготовляется столъ, на который ставится водосвятная чаша съ водою и полагается священникомъ или діакономъ св. крестъ и Евангеліе, кладется кропило, свѣчи для священниковъ и діаконовъ, полное облаченіе священническое и діаконское и срачицы для священниковъ.

Самое освященіе храма совершается такъ: діаконъ готовитъ воскомастихъ. Священнослужители посреди храма совершаютъ освященіе воды, положенное на 1-е августа, въ полномъ облаченіи и съ зажженными въ рукахъ свѣчами. Идутъ въ алтарь чрезъ царскіе врата, несутъ съ собою святые иконы: Спасителя, Божіей Матери и храмовую, лежавшія на аналогіи, и св. воду. Первенствующій несетъ, позади всѣхъ, на блюдѣ святый крестъ. Въ алтарѣ, сверху облаченія, надѣваютъ срачицы и, вышедши на средину храма, берутъ столъ съ лежащими на немъ къ освященію

предметами, вносятъ чрезъ царскіе врата въ алтарь и ставятъ по правую сторону престола семисвѣчникъ; аналогіи и подсвѣчники убираются со средины храма на свои мѣста. Тутъ же, лучше всего, для безопасности, вслѣдствіе тѣсноты, перенесть и святый антиминсъ въ алтарь, на видъ священникамъ, а ко времени крестнаго хода опять помѣстить его на свое мѣсто, чтобы не упускать его изъ вида. Священники занимаютъ мѣста по порядку. Снимается съ престола доска. Первенствующій возглашаетъ начало псалма 144: вознесу Тя, Боже мой, Царю мой..., а когда пропоютъ, то начало 22-го псалма: Господь пасетъ мя и ничтоже мя лишитъ... Пѣвчіе поютъ эти псалмы [1]). Діаконъ подаетъ святую воду. Первый священникъ кропитъ ею трижды столпы престола, произнося трижды: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Подается діакономъ воскомастихъ. Первый священникъ кропитъ его трижды святою водою, произнося трижды: во имя, Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь, и, взявши кострюльку съ воскомастихомъ, возливаетъ крестообразно на верхніе концы столповъ престола, для чего обходитъ кругомъ престола и снова кропитъ, а сослужащіе священники подуваютъ на воскомастихъ, чтобы скорѣе застылъ. Священники подаютъ доску престола. Первый свящ. кропитъ ее трижды съ обѣихъ сторонъ, сперва нижнюю сторону доски, а потомъ верхнюю, произнося трижды же: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Въ такомъ же порядкѣ первый свящ. кропитъ всѣ столпы престола. Кладется доска и укрѣпляется, какъ должна быть. Діаконъ кладетъ на тарелку гвозди и ставитъ на престолъ. Первый свящ. трижды кропитъ ихъ, произнося трижды: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь, и раздаетъ ихъ сослужащимъ священникамъ. Вкладываются гвозди священниками въ назначенныя мѣста, на углахъ престола. На тарелкѣ же подаются священникомъ или діакономъ первому священнику камни. Первый свящ. также кропитъ ихъ, произнося трижды: во имя

---

[1]) При этомъ первый священникъ не произноситъ тѣхъ молитвъ, какія читаетъ архіерей при устроеніи престола. Эти молитвы были произнесены архіереемъ при освященіи антиминса. Пособіе къ изуч. Уст. Никольскаго, стр. 762 изд. 1865 г.

Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь, и также передаетъ ихъ священникамъ, а священники забиваютъ ими гвозди, вложенные въ доску и столпы престола. Камни эти священники затѣмъ полагаютъ подъ престолъ. Подается воскомастихъ. Оставшіяся поверхъ забитыхъ гвоздей ямки на четырехъ углахъ престола заливаются священниками воскомастихомъ. Воскомастихъ священники подуваютъ, пока остынетъ, и тогда срѣзаютъ его ножами, чтобы не было въ доскѣ выпуклости. Воскомастихъ кропится немного осторожнѣе, иначе онъ не прильнетъ къ шляпкамъ гвоздей. Первый свящ. возглашаетъ псаломъ 83: коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ! Пѣвчіе поютъ весь псаломъ. Подается въ какомъ либо приличномъ сосудѣ теплая вода, и на тарелкѣ мыло, полотенца. Первый свящ. окропляетъ трижды все это святою водою, произнося трижды же: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь, и раздаетъ мыла и полотенца священникамъ. Потомъ трижды, крестообразно, возливаетъ воду на престолъ, говоря трижды же: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.—Священники омываютъ престолъ и столпы теплою водою и растираютъ руками, потомъ—мыломъ, не много. Чтобы смыть мыло, опять возливается вода на престолъ, который отирается полотенцами [1]). На тарелкѣ же подаются духи и губки. Первый священникъ трижды кропитъ ихъ святою водою, произнося трижды же: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь, и духи трижды крестообразно возливаетъ на престолъ, произнося: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь, а губки раздаетъ священникамъ. Священники отираютъ губками престолъ и столпы престола до-суха. Престолъ опять трижды кропитъ святою водою первый священникъ, произнося: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Въ это время женскій полъ удаляется изъ алтаря.

После омовенія и кропленія святою водою, престолъ облачается въ одежды. Первый свящ. возглашаетъ псаломъ 92: Го-

---

[1]) При освященіи храма священникомъ, престолъ не поливается розовою водою съ краснымъ виномъ и не помазывается святымъ муромъ. Эти священнодѣйствія уже совершены надъ антиминсомъ, при освященіи его архіереемъ. Пособ. къ из. Уст. Никольскаго, стр. 762, изд. 1865 г.

сподь воцарися, въ лѣпоту облечеся... Пѣвчіе поютъ весь псаломъ. Подается священниками срачица. Первый свящ. кропитъ ее трижды внутри и внѣ, произнося трижды же во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Всѣ священники надѣваютъ ее на престолъ. Подаютъ вервь, или шнуръ. Первый свящ. три раза кропитъ ее и произноситъ: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.—Всѣ священники обвязываютъ престолъ вервіемъ, какъ поясомъ, трижды, сверху срачицы, по выемкѣ, или зазубринѣ престола. Первый свящ. держитъ конецъ верви отъ правой южной стороны, у перваго столпа отъ царскихъ вратъ, а другіе священники идутъ къ другому столпу по той же сторонѣ къ восточной, и затѣмъ по сѣверной и западной сторонамъ, и такимъ путемъ обходятъ престолъ три раза.—Второй конецъ связывается узломъ съ первымъ концомъ верви первымъ свящ. у перваго—праваго столпа престола, откуда начатъ обходъ вокругъ престола. Священники подаютъ индитію—верхнее одѣяніе. Первый свящ. окропляетъ ее, какъ и срачицу, внутри и внѣ, три раза, произнося, также, трижды: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.—Всѣ священники надѣваютъ ее на престолъ. Священники полагаютъ на св. престолъ Евангеліе, крестъ, илитонъ, покровъ на престолъ, платъ для отиранія устъ. Первый свящ. кропитъ ихъ трижды, произнося: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь, если эти предметы не были въ употребленіи, а вновь пріобрѣтены, и вмѣстѣ съ другими священниками полагаютъ ихъ на престолѣ, на свои мѣста. и покрываетъ престолъ покровомъ.—Жертвенникъ не освящается, подобно престолу, а послѣ троекратнаго окропленія святою водою первымъ священникомъ, съ молитвою: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь, убирается подобно престолу и одѣвается срачицею и индитіею. Первый священникъ трижды кропитъ святою водою, произнося: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь, потиръ, дискосъ, звѣздицу, копье, лжицу, губку въ потиръ, тарелочки, воздухи, платъ для отиранія устъ, покровъ, если всѣ эти предметы вновь пріобрѣтены и на нихъ не было совершаемо Богослуженія, и поставляетъ и полагаетъ ихъ на жертвенникъ въ своихъ мѣстахъ.—Кропятся также кадило и завѣсы къ царскимъ вратамъ и къ освященію храма. Устра-

ивается завѣса къ царскимъ вратамъ.—Въ это время священники снимаютъ съ себя срачицы.

Послѣ освященія престола и жертвенника освящается храмъ кажденіемъ и кропленіемъ святою водою [1]). Царскія врата отворяются. Діаконъ подаетъ первому священнику кадило, и онъ, возглашая начало псалма 25: суди ми, Господи..., кадитъ престолъ, жертвенникъ, весь алтарь, иконостасъ и всѣ иконы въ храмѣ. Діаконъ идетъ впередъ со свѣчею, но безъ огня. Второму священнику подается кропило и онъ кропитъ святою водою, безъ креста въ рукахъ, не отставая отъ перваго священника, тамъ, гдѣ первый кадитъ: престолъ, жертвенникъ, стѣны надъ горнимъ мѣстомъ, надъ царскими вратами, надъ западною дверью, надъ южною дверью и надъ сѣверною и идетъ въ алтарь за первымъ священ. Второй діаконъ несетъ предъ вторымъ свящ. святую воду. Пѣвчіе поютъ названный псаломъ много разъ, пока окончится кажденіе и кропленіе всего храма. До сего времени свѣчи въ алтарѣ не зажигаются. По окончаніи кажденія и кропленія св. храма, первый священникъ беретъ отъ діакона не обожженную запрестольную свѣчу, самъ зажигаетъ отъ огня изъ кадила и самъ ставитъ ее на горнемъ мѣстѣ, возлѣ престола. Отъ этой свѣчи онъ же зажигаетъ свѣчи и раздаетъ священникамъ, которыя зажигаютъ свѣчи у иконъ и раздаютъ ихъ народу. Начинается на колокольнѣ перезвонъ. Составляется крестный ходъ. Впереди хода устанавливается священникъ съ храмовою иконою. За нимъ становятся съ хоругвями, берется фонарь, запрестольный крестъ и икона Божіей Матери. За ними становятся пѣвчіе. Позади ихъ священники, младшіе впередъ, съ иконами Спасителя, Божіей Матери, священники съ Евангеліемъ и напрестольнымъ крестомъ, послѣдній при обходѣ кругомъ храма, долженъ кропить фундаментъ, стѣны храма и народъ, имѣя при себѣ съ правой стороны діакона съ водосвятною чашею. Позади всѣхъ долженъ идти, поддерживаемый діаконами, первый священникъ, возложивъ на главу покрытый возду-

---

[1]) При освященіи храма священникомъ, стѣны не помазываются святымъ мvромъ, точно также какъ и престолъ. Опред. Св. Синода 1732 г. іюля 18 п. 4, см. Больш. Требн. послѣд. на освящ. храма въ концѣ.

хомъ по звѣздицѣ дискосъ со св. антиминсомъ, а первый діаконъ долженъ кадить предъ св. антиминсомъ, а также и храмъ. Когда составится крестный ходъ, первый священникъ, подошедши къ лежавшему на аналогіи, у мѣстной иконы Спасителя, на св. дискосѣ, покрытомъ по звѣздицѣ воздухомъ, св. антиминсу, дѣлаетъ два поясныхъ поклона, а третій земной, совершаетъ троекратное кажденіе, беретъ обѣими руками и ставитъ на голову свою св. дискосъ съ антиминсомъ и возглашаетъ: «съ миромъ изыдемъ». Начинается крестный ходъ отъ западныхъ дверей освящаемаго храма на южную сторону, затѣмъ восточную и сѣверную и опять западную вокругъ храма. Пѣвчіе поютъ тропари: Иже на камени вѣры... Святіи мученицы... Слава Тебѣ, Христе Боже... На колокольнѣ производится полный звонъ. Въ храмѣ, по выходѣ крестнаго хода, невдалекѣ отъ западныхъ дверей, задергивается завѣса, у которой противъ западныхъ становится столъ, покрытый пеленою, и по угламъ стола четыре подсвѣчника. Пришедши въ храмъ, крестный ходъ останавливается предъ задернутою завѣсою, а пѣвчіе уходятъ внутрь храма,—за завѣсу. Свѣчи у священниковъ и народа тушатся. Со святыми иконами и хоругвями становятся полукругомъ, за столомъ, противъ перваго священника, обратившись лицомъ на западъ; священники со крестомъ, Евангеліемъ и храмовою иконою, обратившись на западъ, стоятъ на правой сторонѣ. Остальные священники становятся по старшинству, по обѣимъ сторонамъ, старшіе—отъ перваго священника къ иконамъ, младшіе рядомъ съ ними. Первый священникъ, ставши у стола, лицомъ на востокъ, снимаетъ съ головы покрытый воздухомъ по здѣздицѣ дискосъ со св. антиминсомъ и поставляетъ на столъ, трижды поклоняется, трижды кадитъ св. дискосъ съ антиминсомъ, кадитъ св. Евангеліе, крестъ, св. иконы, по правую и лѣвую стороны, и священнослужителей, и возглашаетъ: благословенъ еси, Христе Боже нашъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Пѣвчіе поютъ—аминь. Вслѣдъ за тѣмъ, приподнявши св. дискосъ, онъ же возглашаетъ: возьмите врата князи ваша, и возьмитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь славы. Пѣвчіе за завѣсою, внутри храма, поютъ однажды: Кто есть сей Царь славы? Послѣ возглашенія діакономъ: Господу помолимся, и по пропѣніи пѣвчими: Господи помилуй,

первый священникъ читаетъ молитву: Боже и Отче Господа нашего Іисуса Христа... и тайно читаетъ, преклонивши главу: Владыко Господи, Боже нашъ. Потомъ, первый священникъ, взявши въ руки св. дискосъ съ антиминсомъ, возглашаетъ: Господь Силъ, той есть Царь славы. Пѣвчіе тоже поютъ. Наконецъ, первый священникъ въ другой разъ возглашаетъ: Господь Силъ, Той есть Царь славы, и пѣвчіе тоже поютъ. И благословивши антиминсомъ на дискосѣ крестообразно врата храма, первый священникъ ставитъ его на голову, идетъ во храмъ, со всѣми священниками. Завѣса отдергивается. Пѣвчіе поютъ тропарь: якоже вышнія тверди благолѣпіе... Входитъ въ алтарь со служащими, царскими вратами, поставляетъ дискосъ со св. антиминсомъ на св. престолѣ, влагаетъ губку въ св. антиминсъ и вкладаетъ его въ илитонъ, полагаетъ на немъ св. Евангеліе, кладетъ на престолъ св. крестъ, напередъ цѣлуя все это. Полагаетъ три поклона,—два поясныхъ, третій земной. Трижды кадитъ предъ святымъ престоломъ и на обѣ стороны сослужителей.—Затѣмъ, по возглашеніи діакономъ: паки и паки преклонше колѣна... первый священникъ, преклонивши колѣна, читаетъ предъ престоломъ молитву о создателяхъ храма. Послѣ малой ектеніи: заступи, спаси, помилуй, возстави... и возгласа, первый священникъ, взявши честный крестъ, выходитъ царскими вратами на средину храма, съ сослужащими священниками: старшіе идутъ впередъ, а младшіе за ними, становятся по обѣ стороны, какъ на молебнѣ,—старшіе къ первому священнику, а младшіе въ рядъ съ ними по амвону, съ обычнымъ молитвеннымъ поклономъ первому священнику. Первый священникъ благословляетъ крестомъ трижды на востокъ. Діаконъ, ставши противъ креста, обратившись лицомъ на западъ, кадитъ трижды св. крестъ и возглашаетъ: Господу помолимся, рцемъ вси. Пѣвчіе поютъ трижды: Господи помилуй. Первый священникъ осѣняетъ трижды св. крестомъ на западъ. Діаконъ перешедши правой стороной и ставши противъ св. креста, лицемъ на востокъ, кадитъ трижды св. крестъ и возглашаетъ: Господу помолимся, рцемъ вси. Пѣвчіе поютъ трижды: Господи помилуй. Первый священникъ осѣняетъ трижды св. крестомъ на югъ. Діаконъ, ставши противъ св. креста, лицемъ на сѣверъ, трижды кадитъ св. крестъ и возглашаетъ: Го-

споду помолимся, рцемъ вси. Пѣвчіе поютъ трижды Господи помилуй. Наконецъ, первый священникъ осѣняетъ трижды св. крестомъ на сѣверъ. Діаконъ, ставши лицемъ на югъ противъ св. креста, трижды кадитъ св. крестъ и возглашаетъ также: Господу помолимся, рцемъ вси. Пѣвчіе поютъ трижды: Господи помилуй. Послѣ возглашенія діакономъ: премудрость, первый священникъ говоритъ отпустъ.—Молебенъ храмовому святому служится обычно по окончаніи литургіи.—Если освящаемый храмъ выстроенъ на мѣсто существовавшаго уже храма, но по ветхости разобраннаго, или воспрещеннаго къ Богослуженію, то за литургіею неотложно читается заупокойная ектенія, на которой поминаются усопшіе создатели ветхаго храма. Таже ектенія читается и въ случаѣ смерти создателя вновь освящаемаго храма, или иныхъ усопшихъ благотворителей храма.—На молебнѣ совершается многолѣтіе въ такомъ порядкѣ: 1) «Благоденственное и мирное житіе»... Государю Императору со всѣмъ царствующимъ Домомъ. 2) Святѣйшему Правительствующему Всероссійскому Синоду и мѣстному епископу, обычно. 3) Благовѣрнымъ: Правительствующему Синклиту... воинству, создателямъ св. храма, поименовать ихъ, прихожанамъ св. храма сего, и всѣмъ жертвователямъ подаждь Господи миръ, тишину, благоденствіе, изобиліе плодовъ земныхъ и многая лѣта. 4) Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь Господи усопшимъ создателямъ разобраннаго по ветхости храма прихода сего, назвать ихъ имена, и сотвори имъ вѣчную память. 5) И всѣмъ православнымъ христіанамъ многая лѣта. Первый священникъ кропитъ святою водою на всѣ четыре стороны храма: востокъ, западъ, югъ и сѣверъ и кропитъ каждаго, цѣлующаго св. крестъ. Обычно бываетъ продолжительный колокольный звонъ.

Извѣстія и замѣтки.

— 13 августа состоялось **освященіе новой трапезной церкви въ Кіево-Печерской лаврѣ.** Чинъ освященія совершенъ былъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ Іоанникіемъ, въ сослуженіи четырехъ архимандритовъ: намѣстника

лавры о. Сергія, экклесіарха Валентина, казначея Іеронима и келаря Левкія, двухъ игуменовъ: благочиннаго лавры Герасима и эконома лавры Θеодосія и двухъ іеромонаховъ. Въ новой церкви вмѣщалось около 4000 молящихся и тѣсноты не замѣчалось. При освященіи присутствовали: Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Петровна, а изъ должностныхъ лицъ—комендантъ крѣпости, генералъ лейтенантъ А. В. Аносовъ, представители нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній и настоятели монастырей. Сперва совершено было водоосвященіе намѣстникомъ лавры архимандритомъ Сергіемъ соборне съ лаврскими старцами, а затѣмъ послѣдовала встрѣча «со славою» высокопреосвященнаго митрополита въ его покояхъ, куда отправились въ мантіяхъ всѣ совершавшие водоосвященіе архимандриты и игумены съ хоромъ пѣвчихъ. Послѣ прибытія въ церковь высокопреосвященнаго митрополита и облаченія, начался чинъ освященія престола, сдѣланнаго изъ кипариснаго дерева. Когда престолъ былъ покрытъ пеленами и установлены священные предметы, совершенъ былъ крестный ходъ изъ новой церкви въ Великую лаврскую церковь, и оттуда перенесены были частицы мощей для антиминсовъ, заготовленныхъ въ приходскія церкви кіевской епархіи. Крестный ходъ съ мощами совершенъ былъ вокругъ трапезной церкви при значительномъ стеченіи народа, до 10,000 человѣкъ. Послѣ внесенія св. мощей въ трапезную часть храма, священное шествіе остановилось у входа въ храмъ, отдѣленный бѣлою большою занавѣсью. Вслѣдъ за произнесеніемъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ слова: «Возьмите князи врата ваши»... занавѣсь распахнулась и шествіе направилось въ алтарь, гдѣ святыя мощи вложены были въ антиминсы, при прочтеніи установленныхъ молитвъ. Послѣ окончанія освященія церкви, совершена была божественная литургія. При совершеніи освященія храма и во время литургіи пѣли два хора—лаврскій и митрополичій.

— **Въ день праздника Успенія Пресвятыя Богородицы**, 15 августа, по случаю престольнаго праздника, совершенъ былъ изъ Великой лаврской церкви крестный ходъ вокругъ Лавры съ иконою Успенія Пресвятыя Богородицы, при многочисленномъ стеченіи народа. Ранняя обѣдня началась въ 6 часовъ утра, и въ это вре-

мя совершенъ былъ соборомъ лаврскихъ старцевъ крестный ходъ, а поздняя обѣдня въ 9 час. утра и окончилась въ 12 часовъ. Раннюю обѣдню совершалъ соборне намѣстникъ лавры архимандритъ Сергій, а позднюю высокопреосвященный митрополитъ кіевскій и галицкій Іоанникій, въ сослуженіи трехъ епископовъ—преосвященнаго Сильвестра, епископа каневскаго, преосвященнаго Іакова, епископа чигиринскаго, и преосвященнаго Іоанникія, епископа уманскаго, четырехъ архимандритовъ—намѣстника лавры о. Сергія, экклесіарха Валентина, архимандрита Іероѳея и архимандрита Алексія, нѣсколькихъ игуменовъ и іеромонаховъ. На литургіи присутствовали: и. д. губернатора Д. С. Ѳедоровъ, комендантъ кіевской крѣпости генералъ-лейтенантъ А. В. Аносовъ, городской голова и представители учебнаго, судебнаго и друг. вѣдомствъ. Во время литургіи совершено было рукоположеніе во іеродіакона студента, окончившаго курсъ Кіевской духов. академіи и принявшаго иночество подъ именемъ Ѳеодосія, а также рукоположеніе во священника студента семинаріи. Толпы молящихся наполняли всѣ церкви Великую, трапезную, больничую и друг., гдѣ совершалось богослуженіе; весь дворъ Лавры также былъ покрытъ молящимися, лишенными возможности молиться въ храмахъ, за неимѣніемъ мѣста. Во дворѣ Лавры, между Великой и трапезной церквами, были разставлены столы съ поставленными блюдами, для угощенія народа, корзины съ хлѣбомъ и большія кадки, наполненныя квасомъ. Послѣ окончанія божественной литургіи, высокопреосвященный митрополитъ, въ сопровожденіи духовенства, приблизился къ столу, на которомъ стояли въ блюдахъ борщъ и каша, а также кружки квасу, отвѣдалъ этихъ яствъ и благословилъ трапезу для народа. Затѣмъ направился въ свои покои, гдѣ принималъ поздравленія отъ братіи и разныхъ должностныхъ лицъ, а потомъ, въ помѣщеніи новой трапезной, состоялся праздничный обѣдъ, на которомъ, по обычаю, участвовала вся лаврская братія. Число богомольцевъ, бывшихъ въ этотъ день въ Лаврѣ, превосходило 20,000, изъ нихъ 9,410 чел. помѣщались въ лаврской гостинницѣ.

— **Иконостасъ главнаго алтаря Кіево-Софійскаго собора,** недавно обновленный позолотой, сдѣланъ изъ дерева, украшенъ массивной рѣзьбой въ стилѣ рококо,—имѣетъ восемь столбовъ ажур-

ной работы, поддерживающихъ карнизъ. Иконостасъ этотъ сооруженъ въ 1747 г., въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Первоначально онъ имѣлъ три яруса, теперь же состоитъ изъ одного. Верхній ярусъ съ иконами пророковъ снятъ при обновленіи собора въ 1846 году, а средній снятъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ 1888 г., съ цѣлью открыть видъ на запрестольную мозаическую стѣну.

Царскія врата главнаго иконостаса—серебряныя, сдѣланныя въ видѣ сквозной рѣшетки, вѣсомъ въ $6^1/_2$ пуд. На нихъ помѣщаются вызолоченныя рельефныя изображенія: вверху—Благовѣщенія и подъ нимъ двуглаваго орла, въ срединѣ—четырехъ евангелистовъ, Св. Дѣвы Маріи, праведной Елисаветы, и свв. Іоакима и Анны; на нижней части вратъ придѣлано рельефное серебряное золоченое изображеніе сидящаго царя Давида, который держитъ въ одной рукѣ книгу, а въ другой—скипетръ. Сооружены эти врата, какъ видно изъ имѣющейся на нихъ надписи, въ 1747—1750 г. при митрополитахъ Рафаилѣ Заборовскомъ и Тимофеѣ Щербацкомъ. Работали ихъ кіевскіе мастера Семенъ Таранъ, Петръ Волохъ и Иванъ Завадовскій, подъ наблюденіемъ архидіакона Викентія, экклесіарха Антонія и каѳедральнаго намѣстника Веніамина. На позолоту царскихъ вратъ пошло 120 червонцевъ.

Первоначально въ Кіево-Софійскомъ соборѣ не было иконостаса, а на мѣстѣ его стояла лишь невысокая преграда изъ мраморныхъ столбовъ, съ полокотными между ними плитами и небольшими дверьми противъ престола. Иконостасными иконами для молящихся въ храмѣ служили мозаическія изображенія Тайной Вечери и апостоловъ, Богоматери и святителей—на алтарной запрестольной стѣнѣ,—пророковъ—на сѣверной и южной стѣнахъ алтаря,—Спасителя, Богоматери и Іоанна Крестителя на алтарной дугѣ,—евангелистовъ на парусахъ купола и Благовѣщенія на передней сторонѣ двухъ предъалтарныхъ пилоновъ, которые не закрывались тогда иконостасной стѣной и видны были всѣмъ стоящимъ въ средней части храма. Иконостасъ въ видѣ сплошной преграды устроенъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ въ первый разъ въ 1644 г., по распоряженію митрополита Петра Могилы, московскимъ сусальнаго дѣла мастеромъ Іоакимомъ Евтихіевымъ, послан-

нымъ для этой цѣли въ Кіевъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

— **Медаль въ память освященія собора св. Владиміра въ Кіевѣ.** Комитетъ по сооруженію собора св. Владиміра получилъ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ запросъ о количествѣ медалей, которое должно быть изготовлено въ память освященія Кіево-Владимірскаго собора въ 1896 г. Медаль будетъ изготовлена по рисунку проф. А. В. Прахова, представленному имъ черезъ министерство на Высочайшее утвержденіе. Лицевая сторона медали представляетъ поясное изображеніе св. Владиміра, вокругъ котораго славянскими литерами сдѣлана надпись: Святый Равноапостольный князь Владиміръ, просвѣтитель Руси». На оборотной сторонѣ медали находится видъ кіевскаго собора св. Владиміра, подъ которымъ по славянски проставлены числа: «1862—1896 г.», обозначающіе годъ закладки и годъ освященія храма; кругомъ же всего этого помѣщена надпись слѣдующаго содержанія: «Кіево-Владимірскій соборъ освященъ въ благополучное царствованіе Государя Императора Николая II, всея Россіи Самодержца», а въ одномъ изъ промежутковъ, образуемыхъ изображеніемъ храма и окружающей надписью, мелкимъ шрифтомъ выгравировано: «сочинилъ и вылѣпилъ проф. А. В. Праховъ».

— **Работы по окончанію собора св. Владиміра.** Въ виду предстоящаго въ 1896 г. освященія собора, всѣ работы по окончанію его предположено окончить къ началу будущаго года. Въ настоящее время почти всѣ крупныя художественныя работы уже окончены; мраморный паркетный полъ уложенъ весь; облицовка внутреннихъ стѣнъ собора изящной панелью изъ разноцвѣтнаго полированнаго мрамора подходитъ къ концу; многіе предметы церковной утвари, какъ, напр., подсвѣчники и кіоты, сдѣланные изъ темной бронзы съ позолотой и эмалью на фабрикѣ металлическихъ издѣлій Постникова въ Москвѣ, уже получены; куполы въ послѣдній разъ окрашены бѣлой краской. Остались еще слѣдующія работы: закончить картину Преображенія Господня (худ. Катарбинскій), облицевать мраморною панелью всѣ три притвора храма, установить всѣ три престола (одинъ главный—внизу, для котораго

уже имѣется пожертвованная Н. А. Терещенко серебряная вызолоченная индитія, стоющая около 11 тыс. руб., и два верхніе (на хорахъ храма),—украсить орнаментами лѣвый придѣлъ, въ которомъ устроена главная мраморная лѣстница, окрасить соборъ съ наружной стороны въ нѣсколько цвѣтовъ, а самое главное, установить всѣ 6 вратъ, для которыхъ уже заказаны на фабрикѣ Постникова, по рисункамъ проф. А. В. Прахова, литыя барельефныя бронзовыя украшенія. Заказанные барельефные орнаменты для западныхъ вратъ главнаго алтаря будутъ имѣть въ центрѣ литыя изображенія святыхъ Владиміра и Ольги, при чемъ изображеніе перваго лѣпитъ академикъ Беклемишевъ, а изображеніе второй акад. Залеманъ. Всѣ барельефы будутъ сдѣланы изъ темной массивной бронзы, съ позолотой и эмалью. Что же касается вопроса о приведеніи въ надлежащій видъ площади вокругъ собора св. Владиміра, то, по мнѣнію проф. Прахова, найболѣе раціональнымъ является замощеніе всей площади каменными плитами двухъ цвѣтовъ; со стороны же Нестеровской ул. проф. Праховъ предлагаетъ устроить у самыхъ домовъ палисады и окружить ихъ желѣзнымъ рѣшетчатымъ заборомъ, по образцу такого же палисада, давно уже существующаго при кіевской 2-й гимназіи. Тогда соборъ, ничѣмъ не заслоняемый, будетъ далеко видѣнъ вокругъ. Предположеніе же города о преобразованіи площади, окружающей соборъ, въ паркъ проф. Праховъ считаетъ несоотвѣтствующимъ цѣли, такъ какъ при большомъ стеченіи молящихся паркъ быстро прійдетъ въ разрушеніе; кромѣ того, древесныя насажденія будутъ закрывать грандіозный видъ всего сооруженія.

— **Братскія собранія кіевскихъ настоятелей церквей.** У разныхъ корпоративныхъ обществъ существуетъ прекрасный обычай собираться иногда въ тѣсный кружокъ для обсужденія текущихъ дѣлъ, злобы дня и вообще всѣхъ предметовъ, такъ или иначе интересующихъ ту или другую профессію; основаніемъ этого обычая служитъ народная мудрость: умъ хорошо, а два еще лучше. Къ сожалѣнію, этого обычая не было до сихъ поръ среди кіевскаго духовенства; взаимныя отношенія его носили преимущественно офиціальный характеръ, между тѣмъ какъ самая служебная дѣятельность духовенства выдвигала и выдвигаетъ много животрепе-

щущихъ вопросовъ, совмѣстное обсужденіе которыхъ весьма было бы полезно для единства и благотворности пастырской дѣятельности. Желая восполнить этотъ существенный пробѣлъ въ жизни духовенства, благочинный старокіевскихъ церквей, П. А. Троцкій испросилъ у высокопреосвященнаго владыки кіевскаго соизволенія на эти частныя братскія собранія кіевскихъ настоятелей церквей, которыя съ осени сего года и имѣютъ открыться.

— **Охматовскій крестьянскій хоръ**. Безъ претензіи на извѣстность, а въ виду сообщеній свѣтской печати («Жизнь и Искуссво» № 106, 1894 г. и № 138, 1895 г.) о существующемъ въ с. Охматовѣ, уманскаго уѣзда, крестьянскомъ хорѣ, обратившемъ на себя вниманіе людей компетентныхъ, считаемъ своимъ долгомъ, какъ близко стоящихъ къ дѣлу охматовскаго хора, сказать нѣсколько словъ и въ нашемъ мѣстномъ духовномъ органѣ печати о такомъ отрадномъ явленіи въ скромномъ сельскомъ быту.

Охматовскій крестьянскій хоръ организованъ недавно поселившимся въ приходѣ любителемъ пѣнія—врачемъ Д—мъ. Хоръ существуетъ два года, состоитъ изъ 65 душъ (58 муж. и 7 жен.) только крестьянъ; третья часть его не грамотна; пѣнію обучены безъ нотъ—по слуху и исполненіе его стройное и правильное, даже въ сложныхъ пьесахъ извѣстныхъ духовныхъ композиторовъ— Веделя, Бортнянскаго и др.

Любовь г. Д—го къ пѣнію, сердечность его отношенія къ хору и самопожертвованіе въ интересахъ пѣнія—снискали ему полнѣйшую взаимность хора. Вліяніе г. Д—го на хоръ замѣчательное, безграничное; хоръ охотно и исправно посѣщаетъ часы, назначенные для спѣвокъ; опущенія случайныя бываютъ рѣдки, не смотря на то, что пѣвцы, за немногими исключеніями, въ рабочемъ возрастѣ, и въ немъ находятся многіе отцы семействъ, не свободные отъ хозяйственныхъ заботъ. Г. Д—кій не жалѣетъ времени, труда и средствъ на усовершенствованіе хора; имъ на собственныя средства—спеціально для хора—пріобрѣтена даже цѣнная фисгармонія.

Насколько успѣшно г. Д—мъ поставлено хоровое дѣло—предлагаемъ вниманію читателей перечень духовныхъ пьесъ, исполненныхъ охматовскимъ хоромъ на данномъ 9 мая сего года без-

платномъ духовномъ концертѣ, вслѣдствіе многократныхъ заявленій сосѣдней интеллигенціи доставить ей возможность слышать пѣніе хора. Вотъ программа концерта: гимнъ «Боже царя храни». Отдѣленіе 1-е: Христосъ воскресе (партесное), Пасхальный канонъ (Веделя), Достойно есть (кіевское), концертъ «Боже пріидоша языцы» (Веделя), Иже херувимы (кіевское), Святый Боже (тріо—охматовское), Отче нашъ (Веделя), Хвалите имя Господне (партесное), Покаянія отверзи ми (Веделя). Отдѣленіе 2-е: Дѣва днесь (музыка Лысенко), Часы пасхальные (партесное), Нынѣ отпущаеши (Веделя) Иже херувимы (епископа Варлаама). концертъ «на рѣкахъ Вавилонскихъ» (Веделя), Sanctus (Бетховена), Ангелъ вопіяше (Макарова), Милость мира (Багрецова), О всепѣтая Мати (мѣстнаго напѣва) и многолѣтіе (партесное). И это только часть репертуара охматовскаго хора.

Концертъ почтило посѣщеніемъ до 300 душъ сосѣдней интеллигенціи: изъ духовенства, помѣщиковъ (православныхъ и католиковъ) и даже евреевъ,—и масса крестьянъ изъ сосѣднихъ селеній.

Пѣніе хора превзошло ожиданія собравшейся публики и привело собраніе въ восторъ и удивленіе, что и выражено имъ, безъ различія вѣръ и націй, въ сердечной благодарности и благожеланіяхъ организатору хора и самому хору; въ этомъ видѣлось не только торжество искусства, но отчасти и торжество православія. И признательное собраніе не ограничилось симъ только, но, по собственной инціативѣ, принесло въ даръ хору 199 руб. 20 к., въ которомъ щедрое участіе приняли помѣщики, духовенство и даже евреи, изъ коихъ купецъ Л—нъ пожертвовалъ болѣе всѣхъ—15 рублей и самъ съ г. Т—мъ завѣдывалъ сборомъ. Даръ сей хоромъ тогда же переданъ на предполагаемое расширеніе приходской церкви.

Небезъизвѣстенъ хоръ охматовскій и знаменитому пастырю—о. Іоанну Кронштадтскому, отъ котораго имѣлъ счастіе въ февралѣ мѣсяцѣ сего года получить въ даръ 100 руб., присланныхъ «на нужды хора», и которые хоръ также передалъ на строительное дѣло церкви.

Дай Богъ побольше такихъ, усердныхъ дѣлателей для пользы и чести простаго народа и для славы православія, какъ врачъ Д—цкій; тогда бы устранилась шереховатость отношеній—сельской интеллигенціи и простаго народа; послѣдній созналъ бы свои высшія душевныя способности и то, что черный трудъ его—не помѣха къ самообразованію, искусствамъ и общественному вниманію.

Священникъ *П. Правосудовичъ.*

— **Форма въ духовной академіи и семинаріяхъ.** Форменная одежда для студентовъ С.-Петербургской духовной академіи, какъ сообщаютъ столичныя газеты, окончательно утверждена Св. Синодомъ и съ наступающаго учебнаго года будетъ введена. Рѣшено также ввести форменную одежду и въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ. Форма семинаристовъ будетъ сходна съ студенческою—института инженеровъ путей сообщенія.

— Введеніе въ программу семинарскаго курса **изученія правильнаго веденія сельскаго хозяйства** на тѣхъ же основаніяхъ, какъ оно преподавалось съ 1840 по 1866 годъ, признано, какъ слышало «Нов. Вр.», возможнымъ допустить съ начала предстоящаго учебнаго 1895—96 года, при чемъ матеріальныя затраты на постановку дѣла будутъ относиться на средства Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, которое и снабдитъ семинаріи знающими преподавателями по различнымъ отраслямъ сельско-хозяйственной промышленности.

— Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ занято составленіемъ проекта законоположенія **о надѣленіи всѣхъ общеобразовательныхъ школъ земельными участками.** Размѣръ предполагаемыхъ къ отпуску земельныхъ участковъ для каждаго изъ училищъ, по свѣдѣніямъ «Нов. Вр.», не долженъ превышать болѣе пяти высшихъ душевыхъ надѣловъ, установленныхъ мѣстнымъ положеніемъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ; въ губерніяхъ же архангельской, прибалтійскихъ, западныхъ и ставропольской—не свыще 15 десятинъ.

Неоффиціальной части редакторъ, Прот. *Павелъ Троцкій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

№ 17 сданъ на почту 1 сентября.

Отъ Кіевскаго духовнаго цензурн. Комитета печат. дозвол. 30 августа 1895 г.
Цензоръ, Протоіерей *М. Богдановъ*.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.